

М. Быстров

К читателю

Мне часто говорят, что тема древнейшего язычества, над которой я работаю в своих рассказах, очень далека от нашей действительности и потому рассказы малопонятны и трудночитаемы. И чтобы облегчить их восприятие я решил сделать некоторые пояснения.

Ещё в начале моих литературных увлечений я заинтересовался происхождением имён и вскоре у меня появились серьёзные сомнения в общепринятой трактовке этого явления. Вскоре я с головой окунулся в этимологию (науку об изначальном происхождении слов) и увлёкся изучением древнего язычества. Результат меня поразил. Оказалось, что наиболее древнее (истинное) язычество – это не столько религия, сколько наука с хорошо развитой и совершенно забытой нами письменностью, знаками для которой служили абрисы созвездий, а позже их символы. Языческая азбука (звуковая) принципиально отличалась от нашей (А – верх; Э – восток; Й – центр; Б – круглый, священный; П – плоский, священный; Д – далекий, дорога; Т – близкий, земля; В – тяжёлый, вода; Ф – легкий; Р – прямой; Рь – кривой; М – сильный; Мь – слабый и т.д.)

Обнаружив возможность зеркального прочтения слов, я нашёл в современных языках следы многих древних словообразований: АйА – связь земли и неба (ай – Я в англ. яз; йа – Я в русск. яз.); SayaS (ZayaZ) – наука о словах (say – говорить; yes – форма утверждения); СеммеС – светлая сила (семь и месяц); НойоН – центр, период, девятка (Ной и Иона); СлаввалС – свод законов (low – закон и wal – закон, порядок); БревверБ – вероисповедальные критерии (брева и вербальный); SterretS – направление на звезду (ster – звезда и реце - речь); СкеммекС (СхеммехС) - преклонение перед светлой силой (Скемия – древнейшее название Египта и Мексика; или схема и Мехико) и т.п.

Надеюсь, что эти пояснения помогут вам, уважаемые читатели, в чтении предлагаемой повести, в которой я с художественной точки зрения рассматриваю древнее язычество на Руси и гипотезу о том, что Рюрик – с которого, как считается, началась Русь – вовсе не имя собственное, а значение «юридически законный» и родственно словам *jure* (лат.), *сюрт* (тюрк.) и др., а слово Русь произошло от *СуйррйуС* – закономерность, законность.

По крайней мере, некоторые исторические факты говорят за то, что в древности конфликт между двумя народами разрешал человек незаинтересованный, т.е. призванный издалека. Вероятно, именно из этого впоследствии сложился институт царствования. Например, известен факт, что в Др. Греции царей избирали на девятилетний срок.

Вела из племени СлаввалС

(5100 лет от Потопа или 858 лет от Р. Хр.)

«Вот развязываю узел,
вот клубочек распускаю,
запою я песнь...»

Вела из племени СлаввалС, рода Славдрссмптха, не предполагала, что сегодняшнее Вече так затянется, не смазала лицо и руки полынным настоем, и теперь её донимали комары, появившиеся ещё до захода солнца. Она оглянулась. Словно струги под алыми парусами с запада плыли облака. К дождю. Увидев в толпе девочку, помотала головой. Та поняла, подбежала, вынув из туюска на поясе комочек мокрого мха, сделала несколько мазков на лице и руках вензы. Вела кивком головы поблагодарила.

Этот рыжий лохматый свен говорил быстро, проглатывая окончания слов, и дева всё чаще оставляла пропуски на шнуре не успевая выплести условные вензеля.

Оставалось надеяться на трёх других служительниц бога Зневвенза. Она загляделась на мелькающие пальцы девы сидящей напротив. Пропусков у неё было меньше, а маленькие узелки выглядели красивее. Ну что ж, завтра всё равно они будут переплетать начисто. Если это вообще кому-нибудь будет надо.

Она слушала как под холмом парни и девки играют в лапту и думала о том, что день сегодня пропал. Начала Вече они ждали с самого утра, а собралось оно далеко после полудня.

Ей было интересно кого выберут правадом на Ильмень. Хотелось, чтобы стал им Вадм из племени ХраббарХ. Люди говорят что простоват он, но разве суд между людьми правят по хитрости? Впрочем, молва идёт что из местных народов никого не выберут, а избирать будут по древнему обычаю. Издревле так сложилось, что лучше всего противоречия меж племенами правит незаинтересованный тривер, то есть правад издалече.

Сначала она слушала оратаев внимательно, пытаясь вникнуть в смысл хвалежной мужской логики. Но они говорили всё быстрее, и вскоре её мозг только и мог выхватить группу слов и вспомнить соответствующий вензель. Как проще было бы вязать обычными словами, для которых достаточно всего двадцати восьми узлов, ну или сорока, когда заумна речь.

Стоящий недалеко волхв-распорядитель, поймав её взгляд, спросил знаками, не хочет ли она смениться, и Вела, минуту назад и не помышлявшая об отдыхе, вдруг согласно кивнула головой.

Подошла другая дева и перехватила у неё лукошко с тремя клубочками.

Вела встала с примятой травы, стряхнула с сарафана заблудившегося муравья, отошла к толпе.

Ей уже исполнилось пятнадцать лет, а она никак не может определиться, чему себя посвятить. То ей хочется стать жрицей, чтобы познать все тайны природы, то вступить в женский межплеменной союз ЗаммаЗ, чтобы наравне с мужчинами решать спорные вопросы, то хотелось обыкновенного домашнего уюта, с мерным постукиванием прялки по вечерам, мычанием коров за стеной и весёлой возней

ребятишек. Она имеет на это право, потому что живет своим трудом на свободной земле. И как бы ни утверждали спевы, что это их земля, правы, скорее всего, жрецы полагающие, что все земельные споры между русыми южанами и рыжими северянами происходят от стремления людей к богатству. Ведь в других местах эти же племена спокойно живут вместе, и только на торговых волоках люди, словно опоены разрыв-травой, а счастье своё меряют серебряными колечками гривен да мерами янтаря. И каждый норовит хапнуть побольше соседа, часто не понимая сам, зачем ему это надо.

Иногда ей казалось, что она совсем глупая, потому что ну ничегошеньки не понимает в этой жизни. А это значит что ни в СтержретС, ни в ЗаммаЗ ей дороги нет.

Вот и сейчас, слушая очередного оратая, она целиком была на его стороне, но стоило заговорить другому и слова прежнего оказывались неправильными и вредными.

На ряже стоял купец из южных Каззаков, но тоже рыжий. Его халат, как и у большинства казарян, был расшит письменностью бога Граппарга. Он всё говорил правильно, но почему-то, то там, то тут, слышался недовольный ропот.

- Почему вы считаете что правад хазарский их купцам поблажку сделает. Они ведь и без того, контролируют воду Радони. Конечно, лично я, и знаю, многие другие, будут просить вас снизить для хазар донь за торговлю. Но это ещё не значит, что правад обязательно поддержит нас. Его выбирали не купцы, а волхвы и жрецы, а вы знаете что они выбирают по праву и по чести. Но я не об этом хочу сказать, а о том, что никакой другой союз не принесёт нам порядка и выгоды. Подав руку везантам мы ничего не выиграем, потому что по-прежнему главной дравой на север будут вади Донная и лишь малая толика прорвется по Донапри. А если мы правادا возьмём хазарского, то через него усилим своё влияние на востоке и сохраним контроль на янтари южные...

Речь купца прервал женский голос:

- А нам опять каззарам помогая рядить полки на скипхов. Мы с ними мир скрепили надежно.

- Вот бабьи вербалии. Когда бы преклонились мы Бреввербу, давно бы у коров лишь вымя мяли, забыв про луки, мечи и топоры.

- А сам-то помнишь ли, когда твоя рука привыкла лишь к торговым гирькам.

По знаку волхва-ордонатора громко забухали барабаны, засвистели свирельки. Раздраженно что-то крикнув мазна выхватила кинжал, но опомнившись бросила его обратно в ножны. Волхв поднял руку. Всё стихло.

- Как смела ты оружие обнажить в Священном Вече? Два года не должна ты появляться среди мужей.

На ряж запрыгнул белесый альбен. Разноцветье священных заплат на его рубище говорило о том, что он поклоняется богу Клеттелку.

- Бизанта наша отчина, - зыкнул он. – Мы с ними одних кровей. Там словов и герменов земля, не говоря о псинах. Пусть журавель летает в небесах, а нам надёжней удержать синицу...

Альбен или не знал, или лгал намеренно. Вела читала бабушкины псайлы, где говорится что беловолосые люди до потопа жили в горах и у северных морей, и что гермены на запад пришли с госсожских гор, смешавшись с альпенами и антами.

А из толпы кричали:

- От отчины там лишь земля осталась да вера в бога небесного, который заменяет земных богов.

- А разве мало – земля! Да и кресту небесному всегда вы поклонялись, на Крусто-Донетсе творя ему молву. И если он пришел проверить веру вашу на крепость...

- Что проверять её...

Опять забили барабаны и оратай, махнув рукой, спрыгнул с ряжа.

Новый говорун, из нэймов, весь обвешанный перьями птиц, кричал:

- А я хочу ещё раз напомнить о донье западной. У йутов тех законы и роды на наши схожи, и молвы внятны без особого пряженья. Для них прямая выгода, чтоб воссияла Вольгала Старая...

Стоявший рядом с Велой мужик говорил соседу:

- Говорят, там, на югах, сейчас без жертвы богам такие вопросы не решают.

-И что ж им жертвуют?

- По-всякому: кто хлеба кус отломит, кто зареже барашка, а кто и человеку кровь пустит.

- Чудно. Зачем же богам кровь человеке или барашек омере?

- Вера така, что боги – суть те же люди и питае такой же еде что мы. И свежу кров пиять яко бесови люди.

- Так вот с чего там всё перемешалось. Коль боги сошли с ума, что ещё требить от человеки! Вот был бы великим воином, пошел бы походом и укрепил старую веру в народах всех.

- Трудны твои заботы там были бы. Большие грады изменяют людей природу и более не могут понимать они язык зверей и божьей реце не внемле, и речь к богам творяще без вдохновенья, яко вот мы с тобой.

- И верят, что боги их услышат? Смешно.

- Чего же смешного, ведь и здесь не всем сподобие беседы до богов...

У Велы в голове всё перемешалось. Пусть она глупая, но почему никак не могут сговориться эти умные взрослые дядьки?

Она вышла из толпы и спустилась с холма. Сумерки уже окутали землю, но белые мячи ещё были видны и игра продолжалась. Парни и девки, скинув рубашки и сарафаны, бегали в чём мать родила. Вела с удовольствием скинула ситцевый с шелковыми оборками сарафан. Легкий ветерок приятно обласкал тело. Играли сразу три команды двумя мячами. Она прикинула в какой команде меньше игроков и заняла свободное место. Теперь всё было понятно. Надо точно бить по мячу, быстро бегать, ловко уворачиваться и без помарок ловить мяч. Она стремглав летела по полю, уворачиваясь от мячей и забыв надуманные проблемы взрослых. Но видно ещё не разыгралась. Мяч больно ударил по голой жопке. Наверняка, будет синяк. Разминая ушиб пошла к штрафникам.

- Вела, больно? Дай помну боль твою заговорю, - участливо пропел один из парней.

- Руки маются в безделье, так помни свои негени, - ответила Вела и, опустившись на колени около девчонок, крикнула. – Лойка, поймай мяч для меня.

- А чего для тебя – то, - взбрыкнул всё тот же парень, так и не придумавший ответную чётку.

- Но ты же уже набегался. Дай поиграть.

Она встала, выгнулась, лоя краем глаза нечаянные взгляды парней, и когда Лойка крикнула: «Есть!» - и Вела выбежала на поле – все промолчали.

Однако, вскоре стемнело так, что играть стало невозможно. Побежали к реке, побултыхались в моуве, теплой, словно парное молоко. Откуда-то появились бочажки с квасом, сухари и вяленая с диким чесноком сёмга.

После небольшого пиршества ещё раз искупались и потянулись обратно, на залавок, где было меньше мошки и комаров. Попадали кто на траву, кто на бревна, заготовленные для изб. Через некоторое время словно само собой полилось негромкое пенье.

Вела присела рядом с Лойкой, побренькивающей на шестнадцатиструнной лютне и вполуха слушавшей парубка из снамов, пытавшегося объяснить какие-то музыкальные тонкости.

- И вот смотри, - рассыпался он. – Перестановка тетраордов основной лады с добавлением снизу целого тона, дополняет звукоряд до октавы...

Усталость брала своё. Многие уже спали поодиночке или сбившись кучками. Несколько пар постарше удалились в кусты. И только красивый Лойкин голос продолжал навевать тихие жалости: «Чому мова реце, чому плеси жоле, и чи той венеце качае по воле. И чи той венеце качае по воле, плыве из далеце не маенно боле...»

Новгородье успокаивалось, укутываясь во тьму, затихало, и только разыгравшиеся вдали зарницы словно спешили напомнить что тишина будет недолгой;

да вдали, на Майне, в курне богов времени Времмерва и Срокорса, горел костер, вокруг которого мелькали пляшущие тени волхвов.

Вела вспомнила, что завтра волхвы и старцы огласят своё решение по выбору правда. Какое-то смутное беспокойство нарушило её душевное равновесие, и она поспешила домой.

Бабушка не спала. Вела поняла это по чуть слышному пению. Войдя под сень летней вежи, упала на колени рядом с бабулей, обняла.

- Вот темь. На небе ни зги. Не спиться, ба?

- А ти?

- Мне грустно. Или страшно... не знаю я. Всё млеет внутри.

- Парни, верно, душу разбередили. Не время ти ещё заботы о продолженье рода лелеять.

- Я не о том. Другое что-то волнует грудь. Хотя не знаю я...

- И не спеши узнать. Доверься Великому Срокорсу.

- А что ты вяжешь?

- Сермягу велняну ти. Ведь день твоей звезды уже через три месяца настанет. Шестнадцать лет – священное число. И на вязанье этом вся родословная твоя должна быть видна, а так же всё, чего достигла к ошнадцати летам.

- Не многого. Всё не могу решиться и выбор сделать. Мне хочется неправые вершенья мужей уметь исправить. Всё мнится мне, что не по праву отец мой и брат погибли.

- Венучу ми, носить оружие ещё не означает быть правым. Сила ЗаммаЗ не только в мечях и луцах. Лишь познав хотя бы часть мистерий древних, ты сможешь научиться отличать от правой мовы тень мнимую.

- Но мало ли читаю я пятна мазни? И звёздами ЗооЗ любое явление опишу, переведа их в велсеня или перуны.

- Все истинные знанья хранятся лишь в старых, допотопных велсенях и чертах что вырезаны на костях животных и твёрдом камне. После потопа люди искажали звуки СреверС, забыв что стержи небесные прочитаны быть могут двояко.

- Но есть ли ещё места, где бог Храннарх хранит такие знаки.

- Не много. Хотя одно из них, молвь меж людей, здесь недалече, на Вестнем Володе, где карны вольны и маскарады вложены во дни Балтены. Да отыскать едва ли то можно. Хранит их бог Волкан, заветы чтя Кроннорка... Ох, поздно уж. Ти, нучи, мало спишь, с утра себя делами занимая. Ложись. Вот под холстиною мягкой тебя утою. Уж недалече громит и быть грозе, да травы, под сенью сушены, духмяны и сон твой хорошим будет.

- Ты байку мне побаяе о людях древних?

- Ложись, ложись. Побаяю. Неугомонь... О древних? Что ж... Найду ли чётны знаки... Вот. Внемь: «Дале-далече то время мне, но знаки перни противу СкоррокС поведе снамэ, топпоче РоххоР, орути лади...»

Вела слышала эту сказку года три назад и немного помнила её.

«Давным-давно, ещё во времена беловодья, когда белая вода укрывала все горы, людям племени СиллиС выпала доля жить в ледовых домах. Они выдалбливали во льду глубокие норы, укрывали стены и пол шкурами яков и войлоком. Они носили сапоги из шкур горных коз, и шубы из пятнистых барсов. Днем они охотились, а по вечерам пели песни, прославляя богов СиллиС и ЧэйппйэЧ.

А внизу, в зеленых долинах, жили племена ЗайаЗ. Они строили себе дома из брёвен, а одежду носили плетённую. Они пасли коз и коров, сеяли рожь и лён и славили богов БревверБ и ЗайаЗ.

А ещё дальше, у моря, жили племена СтеppetС. Они строили каменные дома, одежду плели из перьев птиц и молились богам КойссйоК и СтеppetС.

Но пришло время горячего солнца и растопило льды в горах. И остались племена СиллиС без домов, и спустились в долину, и попросились жить в землях ЗайаЗ. Но не умели они строить дома бревенчатые, и потеряли многое, и хотели иметь больше. Стали они вытеснять племя ЗайаЗ с земли его, и стали брать дома их и жён их, говоря: «Живёте вы по закону БревверБ, а мы по закону ЧэйппйэЧ, и наш закон сильнее вашего».

И пошли люди ЗайаЗ к племени СтеppetС, и приняли от них законы КоссоК. И пришли они, и показали лисам землю их, и научили строить дома».

Рано по утрам, со вторыми петухами, глухо забили барабаны в святилище девяти богов – НойоН. С восьми окрестных селищ потянулись люди к Новограду, стачавшему святилище.

Первыми пришли старики, за ними – кто помоложе. А потом и солнце выскользнуло из-за далекой гривы, сопровождаемое звоном колоколов и пением оратории, а полусонная молодежь всё ещё тянулась со всех сторон, быть может более надеясь увидеть не истину, а развлечение от будних дел.

Вела с трудом проснулась лишь при звоне колоколов. Поплелась было к пруду, но бабушка окликнула:

- Куда, унице, после грозы там мутная вода. Иди-ка, мовой дождевой умою.

Вела вернулась, села на врубок. Бабушка зачерпнула берестяной бадейкой воды из кадки, опрокинула на голову внучки. Та громко завизжала, засучила руками и ногами, но попросила:

- Ещё, ба.

Вторая порция душа привела её в восторг. Растерев волосы внучки полотенцем, бабушка шлёпнула её:

- Беги. Осуше пока бежишь по лугу. А к людям в сорочье выйди. И косы там сплете.

Луговой моцион прогнал остатки последнего сна. Накинув годную сорочину и на ходу заплетая косы, Вела подошла к толпе как раз к окончанию оратории. Скрестив руки на груди и закрыв глаза постаралась уйти в прикромешное состояние, прошептала: «Каюсь во сне вам, Великие Боги Нойона. Младость свою объявляю виновной в размлении духа и обещаю, Великие Боги, во времени скором дух мой и тело моё укрепятся во бдении вящем...»

Народу было много. Веле виден был только бронзовый купол, весь испещрённый узкими прорезями. Она живо представила, как жрецы с помощью угломеров проверяют расстояние от реперных рубиновых звёздочек до воды в круглой купальне под куполом.

Жрецам главным было именно совпадение этих значений с расчётными. А то, ради чего собралась сегодня толпа, было делом второстепенным, имеющим малое отношение к вечности, хотя и называется Великим Вещевом. Что ж, люди стали забывать, что на самом деле значит это слово.

«Ку-ку-у-у! Ку-ку-у-у!» - загудели трубы. Зычный голос, усиленный рупором, воззвал словно с неба:

- Внимае! Внимае! Внимае! Жреце не реце, Ордоне не орати, Вече не сведене. Дви по дцати мужи омолове мы вечер, стрма зна незнаемо и объа не обное. И посередь их тот, кое ночесь назове волхове, тою волею Небес и силою Земли, что разумом смыслеве и душой почуяве: вой племени КлеттелК, рода Герм-нессварнклотлверб, в миру Гермнверб. Би в СуйуС купече и водином и доиде воем по Велице пути Водина, и ныне ограде капище Водино словом и мечём, и доправе дела во. И ми призове во от бога ТроннорТ до бога КнэйззйэнК, иже присягне вин меж уставе Руйур и СуйррйуС и буде для нас Правадом, и сведе во плоттолпе се вышни волокы, взверне нам древле Нойррйон–Войджйов. И покоримся мы. Да будет так!

С последними словами шестнадцать почтовых соколов взмыли в небо и полетели в разные стороны.

Звенящая тишина повисла над холмом. Одни были удивлены, другие разочарованы, третьи обнадёжены, но и им о вопреж было вопить. Все прикидывали как повернется жизнь вышних волоков, к чему готовиться, будут ли новые уставы и если будут, то каковы.

И когда тишина слишком уж затянулась, в неё вклинился деланно испуганный шёпот юродивого:

- Руйу-у-уР... Слава хранителю меча одинова... Слава рюрику волокану.

Толпа глубоко вздохнула, зашевелилась, и юродивый завизжал уже в полную силу:

- Слава рюрику. Ведите белого коня! Проснись Асгард! Проснитесь валькирии! Ужо мы без работы вас не оставим!

Другой юродивый подбежал к первому, закричал тыча в него палкой:

- Чего вопие яко дивл, или ти Везанта насыпе гривен!

- А ти юте скупе со вси потрошии!

Они схватили друг друга за волосы и покатались по траве. А Вела снова ничего не понимала.

Волхвы опять доказали своё превосходство над простыми смертными. К приходу нового правда недовольный ропот, вначале возникавший там-сям, утих, и планы людей быстро обрастали новыми надеждами.

В день прибытия рюрия у пирса, где начинался новый волок, народу собралось множество. Кроме местного девятиселья сюда съехались не только любопытствующие всех вышних волоков, но и представители многих племён от Туйуты до Каззакии и от Трайарты до Крайллыары. А купцы понавезли столько товара, будто целый год готовились к этому событию.

Все свободные места были заняты под новые торги, на каждый клочок земли объявлялись родовые претензии, спешно устанавливались тавровые столбы со свисающими с них коврами и ругвами. Соперники устраивали споры, восхваляя свои роды, и всё чаще в руганях обнажались мечи. На прилегающих речках спешно устраивались заводи и возводились верфи, и племенам тэлков становилось всё труднее защищать от вырубки священные рощи. Но всё же пока хозяевами в лесах были они, и редко кто, из самовольно срубивших священное дерево, уходил живым. Пойманного убивали и сжигали на речном плотике, оставляя лишь голову, если на ней были заплетены родовые косички, а часто и просто скальп, когда род был не местным. Если родовые псайлы были вышиты на рубище или наколоты на теле, то оставляли эту лопоть или снимали часть кожи. Всё оставшееся от убитого, как того требовал обычай, отправляли в новоселья пришельцев. Вокруг срубленного дерева тэлки устраивали покаянные гульбища, уповая к богам ГайаГ и ДруйурД.

А развитие волоков требовало много леса, как для полозов и свай, так и для строительства изб и судов.

Казалось стратегия возникшего противоречия была ясна, и оно может разрешиться только силой, а новому правду остается упорядочить лишь тактические условия. Никто вслух не говорил, но все готовились к большой войне.

На пирсе, между двуликим богом всего парного Перуном и богом волоков Волканом, стояли волхвы и старейшины. За их спинами сбились в стайку вензы. На поясе Велы опять было лукошко с двумя перегородками и клубочками специальных шнуров – чаша бога Грайллйарга.

Быки парным цугом тянули два струга со спущенными парусами.

Молодёжь, найдя причину для веселья, радостно приветствовала нового правда. Он стоял на баке, сразу за грифоном, скрестив руки на груди. Поскрежетав по отбоям пирса струги замерли.

Теперь Вела хорошо разглядела пришельца. Крепок статью, среднего роста. Судя по рыжим бровям он был рыж, но соблюдая древний обычай всех правадов, судящих разные народы, спрятал свои волосы под плетённый родовыми узорами капр с двурожьем и змеем мудрости Урием, а бороду оплёл семицветными лентами. Из-за его головы выглядывал крест рукояти меча в виде переплетенных папоротниковых листьев – знак волхва. Вела вспомнила завет Одина: «Рюрий должен быть с мечом, но пусть меч будет подальше от рук».

Гермнверб в сопровождении местного волхва поднялся на специально срубленный ряж с двумя рупорными трубами. Волхв подошел к трубам.

- Се день ми дожде и увиде тои правде что избрали по воле богов. Имярече Гермнессварнклотлверб племени КлеттелК, согласе ста для нас урием по законам неба РуйуР и СуйррйуС. РуйуР величе правде!

- Руй-у-у-ур! – многоголосо отозвалась толпа.

Волхв отошёл от рупоров, и его место занял Гермнверб:

- Се дни здесь соборе мнози народе. Ми порозь роде, ряде, мысле и рече – и мнози думе се худо. Но се ладе. Величе боги СпаррапС и СтарратС почте нам заветы о парнэ и противнэ вси чи нас окружае. Не противе и не семметриче не може родити ново. Нам выпала доля творити повитуше и ми роде! Но се ново не

должно перечерте старо. Боже ТруйурТ и КнеззенК зрители с небе и не дозволе наруше право роде и человеце. И я коляти блюде и чте си закони кои завеща Величе Праваде Водин племени ГраймийарГ рода Граймхлдскьялвхерсвда. А еже поруше се и не по праве рече – пусть настиже Кара ми и род ми и до переплощени. Да буде так!

И опять взревело вокруг:

- Руй-у-у-ур!!!

Перерезая нить Вела задела пальцем за лезвие и на клубок упало несколько рубиновых капель крови. Замерло сердце, и казалось прошла целая вечность прежде чем оно снова застучало.

Сразу же устроили первую тризну по самому наиболее вопросу. От телков и словов выступили по два человека. Потом слово взял правад:

- Когда-то даве, далече туле, живе могуче племе атлос. Готовясь к величе потопе вни порубе все древе и вяже плоти. Без древе пожухэ травэ и земле суше. И ныне там пески лишь на мнози дён пути, где нет муови и дожде капле, не успевая упасть, усоше. Всё пусто там, лишь ветер пески гоняе... Ми должны понять заботы телков. Без вади не буде древе и не буде волок... Однако ж Величе Боже, создав законы парнэ и противнэ, всего дал мнози, и еже деревья совсем не рубе – зачахне лес. Но рубе не должны мы забывать каяле ДруйурД. А те, что срубе, лучше выдерживать в железе и смоле... Теперь я повелев: поднять цене за древе по торгу, а ти, кто срубе трай без позволенья, не убиве, а приведе на суд, чтоб смог он усадив тринадцать треве, где каже телки, взлелеять их. Да будет так!

В ответ было жиденькое молодежное: «Слава Руйуре!». Большинство же людей молча переваривало сказанное.

Выждав немного, правад сказал:

- Теперь, узря мой суд, должны сказать ви, ладе ли сужденье. И еже худо, возопи противи и я обратно удоле.

Однако толпа уже поняла, что решение было единственно верным, и уже дружно заревела:

- Ла-а-дно!!! Слава Руйуре Правадэ!!!

Тризна продолжилась показательными играми. Первыми состязались мечники. У нового правада было сорок воев. По жребию выбрали одного. Воин правада должен был биться против двух местных, тоже избранных по жребию из доброй сотни желающих. До первой крови. Незадолго до этого скипты придумали новое заделье: чтобы бой долго не затягивать воям давали по полутнице браги, что заставляло их спешить пока хмель не ударил в голову. Воин гостей этому нововведению удивился, но брагу выпил. Взяв каждый по два меча начали биться. Гость был силен, достаточно ловок, и защищался успешно, с опасными ответными выпадами. Но и противники ему достались не слабаки. И всё же он заставил себя собраться, крутнулся на пределе сил, полоснул по руке одного из нападавших, но меч другого тут же воткнулся ему в ногу.

Ничья. Хорошая примета для нового правада.

Вела прислушалась к речи купцов.

- Сейчас за ним следят со всех сторон куда направэ он стопы вначале. Я мыслю перво к вэстним скиптам, чтоб лучше новый волок укрепить.

- А я кажу, на стары волога. Каззарска донь надёжна и до излуки вежи их крепки.

- Вот то-то, до излуки. Когда договориться север не сможет с югом, купцам придётся в два-три раза донь переплачивать.

А Вела думала о том, что если правад поедет к мосхам на Стары волога, то надо обязательно напроситься с ним, и попытаться узнать там о древних велсенях.

Но рюрий Гермнверб не спешил никуда ехать. Только иногда, на два-три дня ходил в ближайшие племена. Сразу по вступлении в должность руйура, или

правада, по-местному, он разослал по всему волоковому опечью волосяные словные вербены, дублируя их пятнистыми петнами, графовыми паргами или цветными перуниями – в зависимости от того какую письменность там предпочитали. В вербенах этих он напоминал о Вечных Законах РуйуР и СуйррйуС, излагал нормы «Обычного права» ВайлльаВ, и просил во всех градах, станциях и прочих поселях выбрать из старейшин не менее трех сутяжных заседателей, для рассмотрения простых споров. Да и в самом Новом городе создал он целую судебную палату, освободив себя от мелочных разборов. А на зимнее солнцестоянье определил он Рюрьев день в который наделял подворной землей и лесом на строительство дома всех, кто спокойно прожил здесь более трёх лет.

Жил правад с несколькими своими ватажниками недалеко от жреческих скиотов, рядом с кромовым Дятинцем бога Тайддйата, в скитнях, которые сами и построили. Здесь же принимал он многочисленные делегации или пары спорщиков, заранее определяя день приёма. В другое время он обычно ходил по поселю, словно задавшись целью узнать здесь каждого лично. И даже многие споры решал «на ходу». Чаще всего бывал в кузнях и на верфях, где строили ладьи и драги-волокуши, а бывало и большие струги. Перезнакомился со всеми драгерами. Больше всего здесь работало людей из скипского племени ДраггарД. Племя это было не местным, пришлым с юга. Отпочковавшись от Славных Скиптов, они ушли из древней Патрии, не желая жить под непомерной донью обров, захвативших там все водные дороги. Здесь это племя было малочисленным и потому им приходилось крепко держаться друг друга, не давая своих в обиду. И может быть по этой причине, а может из-за того, что были они хорошими специалистами – местные племена их не любили, твёрдо стоя против расширения здесь строительства и меновых рынков.

На одной из таких верфей правад и познакомился с Вадмом. Гермнверб уже прошёл стапель, когда юноша догнал его.

- Дозволь, правад, слово сказать.
- Ну скажи. Говорить – не по лицу бить.
- Хочу служить в ватаге твоей.

- С чего вдруг? Тобой и здесь не нахвалятся.

- А вы что только лодырей берете?

- Нет, конечно. Только не заскучаешь ли потом по своей работе?

- Возможно. Уйти – не грех, грех – не вернуться.

- Не женат?

- Нет.

- А ласкива есть?

- Есть. Вела.

- Ах вот оно что. Это тебе она платочки выскет. Ну что ж, до новолуния подумай. Не передумаешь – приходи.

Правда ещё раз окинул фигуру Вадма оценивающим взглядом, спросил:

- Дерёшься часто?

- Не очень. Только когда сильно рассердят.

- Был в битвах? Не приходилось человека убить?

- Н-нет... Но смогу, наверное, когда в бою... Мне Вела говорила про вашу присказку о том, что убивает слабый, а сильный обращает в веру свою. И эти ваши толки мне по душе.

- Ну что ж, коль по душе – я жду. Быть может бог КлоттолК поможет понять друг друга нам.

Так прошло более двух лет. Гермнверб уже ходил к соседним племенам, расширяя свой круг ознакомления. Судебные дела старался вести так, чтобы люди сами находили взаимоприемлемое решение. Даже в сложных делах предлагал спорщикам два-три варианта, с тем, чтобы они сами выбрали нужный.

Гермсвенх был волхв и прекрасно понимал, что дальнейшая история этих народов будет сопровождаться постоянными распрями. Потому что из года в год сюда будет стекаться всё больше и больше людей, и для многих из них местные обычаи и традиции будут пустым звуком, а главным всегда останется поиск и добыча ян-тиара. Там, на юге, его уже почти весь собрали, и теперь люди Сайнней-

аС и Дэйммйэд связывают надежды свои с землями Троннорта и дорогами Дроннорда.

Конечно, местные племена понимают что рано или поздно им придется потесниться, но всё же стараются отодвинуть этот срок как можно дальше. Здешние волхвы – скамы даже открывают сколы где учат людей в поисках майн обходиться без смолы упавшей с неба, а обращаться непосредственно к богу МайаМ. Скаманы даже отправляли с этой целью учителей на юг, но у них там было много врагов. Южным перевалочным рынкам это движение на север и обратно необходимо было как воздух, и торговцы всячески прославляли достоинства северного янтаря.

Вадм возвращался из посылы к славным скиптам, своему дальнему родственному народу проживающему по десной донье. От отвез им звездные вербены в которых правад предлагал свою помощь для укрепления законности по всем доньям до самого Боспора и обновить старые дороги до Понтийского капища.

На юг Вадм почти всё время шел водой: где на скипе – кожаном челноке, где с попутчиками на плоту. Он родился уже на севере, и Патрею, землю отцов своих, знал только по преданиям.

Здесь многое было совсем не так как на севере. Особенно его удивила централизация всего управления тсарой – подвластной землей – в руках одного человека. Он был и главным правадом, и главным военачальником, и главным составителем законов. Волхвы, к которым, собственно, и был направлен Вадм, могли этому владельцу только давать советы. Правда, к советам этим он прислушивался, потому что ещё были живы в памяти события, когда волохи сумели организовать различные народы в союз ТлэйккйэлТ и разрушить власть могущественных савров.

В низовья Вадм шел с двумя спутниками из гвардии правادا. Кажется, им не понравилась служба у рюрия и они решили навсегда остаться на юге.

Самому Вадму служба у правادا нравилась. Только вот идя на неё он надеялся больше видеться с Велой, но его надежды не оправдались, потому что довольно часто приходилось ездить посыльным в соседние племена. А сейчас он не будет

видеть Велу почти сорокоденье. Правад вообще советовал ему призадержаться на юге, присмотреться к людям, но он вытерпел там только пять дней.

Юг Вадма не интересовал. На севере он родился, вырос, полюбил прекрасную девочку Велу. Да и вообще на севере начиналась другая жизнь. Уже более двух лет суды межплеменные правит правад Гермнверб, и люди его уважают. А это значит что у Вадма и Велы впереди счастливое будущее.

Обменяв янтарный окатыш на двух хороших лошадок, обратно Вадм пошёл конной тропой. Эта дорога обещала быть более быстрой, а значит и Велу он увидит на три-четыре дня раньше. Всё складывалось хорошо, если бы не одно омрачающее обстоятельство: он так и не смог найти на здешних базарах достойного подарка Веле. Все ткани тонкой работы, включая и местные ясеневые шелка, были не белыми, а расцвеченными странными узорами, не имеющими никакого отношения к родовым знакам. Он всё же купил пару однотонных голубых полотен, но посчитал такой подарок недостаточным и прикупил третьего коня с красивым женским седлом. Сам он всегда обходился без седла и предпочитал лишний раз пробежаться рядом с лошадьёу, давая отдых ногам.

Шёл Вадм быстро, отмеряя по сотне долей в сутки, обгоняя не только пошехонцев, но и гонцов на одноколках с пристяжными.

Уже в вышневолочаевских землях он повстречал цыган – одну кибитку отбившуюся от табора.

Молодая цыганка, видимо обладавшая некоторой силой МаггаМ, лишь мельком глянула ему в глаза и предложила погадать по ладони. Мать Вадма и сам он родились в полнолуние, на майнах, и потому он не боялся магии средней силы, глядел в глаза гадалки насмешливо и вызывающе. Но всё же приклонился к гриве и руку протянул. Слух о том, что цыганские волхования самые сильные, уже укоренился в сознании народов.

Пока она рассматривала ладонь, беззвучно шевеля губами, Вадм по узорам и узелкам пытался понять какого она рода. Но волосы её были надежно укрыты банданой с кратким именем.

- Вадмом нарекли тебя родители, - заговорила цыганка. – А люди звать будут Воданом. Большой ты силы и ума, и род твой древен и корнями своими к Великому Водину идёт. И в скором времени править ты будешь землей Великой. И для народов подвластных, присяжных руке твоей, легка жизнь будет и радостна.

- Ты не плети мне великих дел. Хотел бы больше узнать о личной жизни.

- Всё хорошо. Страсть не пуста твоя. Ты любишь и любим. И будет у тебя сынов и дочерей так много, что на всех земли не хватит... Но будущую нежданную свою не покидай надолго.

Цыганка насмешливо глянула в глаза Вадма и ему от чего-то стало не по себе.

- Ну а мне, милоч, чего ты нагадаешь?

Он остро глянул в глаза цыганки, толкнув коня вперёд. Но конь, ступив шаг, остановился. Цыганка погладила его гриву, переплела пальцы с пальцами Вадма, певуче проговорила:

- Бывает ошибаюсь я в своих гаданьях. Мне хочется чтоб власть принадлежала красивым и сильным воинам. Но скуловек поверивший цыганке лишь в даль глядит и под ноги не смотрит. А под ногами хады извиваясь слюною ядовитую полощут священну роспись родовых сапог. И еже она сотрется, забудет воин кто он и откуда, и крепень дел своих своими же руками порушит, и родовой грай прервёт... Твой пояс зонноз красив и родовы шнуры нанизаны бравадно. Но крепко ль? Вдруг прервётся и не оставишь след свой на земле...

Вадм даже не заметил когда она развязала шнурок прорехи и пальцы оказались внутри шаровар. Он хотел грубо пресечь попытку соблазнения, но всё тело уже полыхало жаром, а пальцы, метнувшиеся перехватить руки гадалки, вдруг заблудились в её волосах.

Цыганка отняла свои руки, вскочила перед ним на лошадь и, обняв, шепнула: «Теперь гони». И Вадм послушно тронул коня.

Эта осень затянулась. Уже приближались иды Теннета, месяца небесной паутины, а среди листвоной желтизны всё ещё манилась густая прозелень. Значит, бабье лето будет теплым. Этот месяц словно самой природой был дарован для

праздника, потому что осенняя суэта по подготовке к зиме уже закончилась, а зимняя ещё не началась. И вроде бы рядовое событие – дни осеннего равноденствия - превращались в длительное веселье, особенно если этому способствовала хорошая погода.

Узнав, что ещё некоторое время будет тепло, торговцы ещё пытались прорваться на север. Но всё вышневолочье, уставшее от шума и гама, начало чинить им препятствия, оправдываясь тем, что подошло время священных годин. Послабление давали только путникам из Киявии, на что были свои причины. Во-первых, Кивевия помогала держать заслон с юга, а во-вторых, здесь было уже много вышедших оттуда племён, поклонявшихся богине КэйввйэК и строго соблюдающих древние обычаи. С юга эти племена ушли не ради торговли, а от притеснений оврагов и савров, пытавшихся не столько контролировать пути на север, сколько просто их разорить. Предполагалось что они имели тайный сговор с империей Вез-Ант, набиравшей силу и пытающейся контролировать майны и доньи соседних земель.

Приближающийся праздник обещал быть большим и веселым ещё и потому, что дни забав и пустоделия совпали с новолунием. И чем ближе эти дни подходили, тем больше собиралось к восходу солнца людей на холме СтоллотС – столбовой жреческой обсерватории.

Собственно, праздники уже начались, хотя официально они должны были длиться восемь дней – две седмицы и шестиденья между ними. В этом году солнечный календарь очень близко приблизился к лунному, что для простых людей было знаком свыше и предвещало счастливые времена. Да и для иных жрецов, для кого народные традиции ещё были неотъемлемой частью жизни, это совпадение было предзнаменованием удач, хотя они и понимали что на рок людской это не повлияет, разве что через посредство веселья и удовольствий укрепляющих человеческое здоровье.

Незадолго перед праздником собралось вече союза мазанок – ДзаммазД. Вела тоже пришла. Она хотя ещё и не являлась полноправным членом союза, но уже дала клятву богу Зуйузу о неразглашении тайн.

Собрались как всегда перед входом в священный склеп, над которым был насыпан курган. Там, под землей, лежали забальзамированные останки старых ведьм и амазонок, а так же погибших в битвах молодых мазанок. И там же находился главный стаб местного союза.

На этот раз надо было выслушать мнение простых мазанок по одному вопросу: надо ли на праздных состязаниях выступать от имени союза, или же от своего рода – племени. Все, однако, понимали что это вече праздничное, и круг обсуждаемых вопросов может быть очень широк. Попросту говоря, мазанки собрались поболтать и лишний раз почувствовать свою силу, удовлетворить честолюбие. Потому что особых каких-то дел для них в ближайшее время не предвиделось: мужчины вели себя примерно и в драки не рвались.

Вела пришла чуть ли не раньше всех. Повязала на Священный Дуб – СайаС – свои волосяные слова. Присела между огромными, вылезшими из земли корнями, замерла в полудрёме, уплыла в кромешное. Сегодня это получилось легко и непринужденно. В последнее время всё у нее ладилось, всё удавалось играючи, без особого напряжения, и ощущение счастья переполняло её, выплескивалось наружу, одаривая и окружающих своей безмятежностью.

Она летела среди звезд и звезды нежно напевали ей приветственные псалмы, кружа хороводом манили всё дальше и дальше. Потом этот хор запел величальную песнь и Вела уже кружила на лугу в подвенечном платье, а голову украшал огромный свадебный венок. Потом она и Вадм скакали на конях по Солнечной просеке. Лошадь Вадма вырвалась вперед. Вела смеялась и кричала, чтобы суженый подождал её, но Вадм не слышал и уходил всё дальше. Вдруг она увидела что лошадь Вадма скачет по красной луже. Красные брызги долетели до Велы. Она ладонью отёрла лицо и почувствовала терпкий запах крови. А красивая песня уже сменилась на голос старой ведьмы: «Не летай высоко, не смотри далеко. Закружит голова,

онемеют слова. Ясень дуб замолчит, только ворон вскричит, и поничуть главы от коварной молвы...».

Очнувшись Вела вскочила на ноги, в страхе огляделась вокруг. Всё было тихо и покойно. Несколько молодых мазанок сидели у корней дуба, другие стояли группками, болтали и весело смеялись.

Вела устало опустилась на корень, погладила его рукой, прошептала: «Это что же такое пророчишь ты мне, дуб-ясенёк? Хватила уж я лиха, не довольно ль. Али круженья мне готовят новые пытанья».

Она встала, подошла к уплотняющейся толпе.

На ряж степенно взошла пожилая амазонка с луком в руке, приложила к тетиве две стрелы, выпустила их в небо. Метнувшись ввысь они тонко запели в двуголосье, где-то на пределе видимости замерли на мгновение и развернувшись понеслись к земле. Амазонка, не двигаясь с места, выбросила руки в стороны, поймала своих певучих вестницы, бережно опустила в тулицу, обратилась к толпе:

- Немало есть шаманов судьбу предсказывающих лишь по полету птиц. Но есть другие, которые узря полет стрелы, вам нарекут победу иль бесславье, жизнь по законам или в беззаконье. Вы думаете, если нам с правадом повезло, то так всегда и будет. Живем мы в мире, где законы пишутся кровью. Не будем спорить было ль так всегда, иль не было, и будет ли когда. Живем сейчас, и именно сейчас, рука должна быть твердой и острым меч... В поденье начнутся веселия предписанные небом, и мы увидим людей горздых к удали. И жены как и мужи будут петь и плясать в венечных украшениях, и прыгать сквозь огонь, и бегать – кто быстрее. А воины покажут стрельбу из луцей... А мы кто?! Ни дивы и ни мужи, не воины и не весталки. Кто мы? На что способны? Почему сегодня собрались здесь? Неужто оно время забудем, когда нас слушали с почтеньем и законы слагали мы?! Я удалью своей обязана союзу и богам Джоввожд и Дзаммазд, и с именами этими я лук свой подниму в веселии.

Амазонка сошла с ряжа и её место заняла ещё довольно молодая дива.

- Резонно ль нам лезть на рожон сейчас? Сейчас, когда нас обвиняют во всех несчастьях и меркой меряют с отравленным кинжалом, забыв о наших достоин-

ствах. Что мы докажем? Что сильнее мужей? Но мы слабее – это всем известно. И на роду нам всем предписано рожать детей, на что, известно, мужи не способны. И сила наша в этом... А если кому-то очень хочется в мужской отваге проявить себя, то лучше им переодеться в мужской костюм...

- А еже голышом придётся состязаться? – выкрикнул чей-то озорной голос, и другой тут же подхватил:

- Да палочки подвяжем, чего там, и яйца куриные.

Толпа, истомившись возникшим напряжением, расслабилась, со всех сторон слышались советы размежёванные взрывами смеха.

Расстроенная неожиданной развязкой дива спрыгнула с ряжа, и наверх поднялась согбенная старуха.

- Тут говорили, что живём мы в трудное время. Грех нам на бога Мервия сетовать. Преданья нам толкуют что были места и времена где жизнь людей не стоила полушки. Так что живите и наслаждайтесь жизнью, пока Портуна перед вами дверь не прикрыла. Однако, забывать не надо о нашем предназначенье. Коль мы не сможем кровь предотвратить, то боги посетуют на нас. Но если сами мы причиной крови станем – нас боги проклянут. И потому нам надо теснее подняться над распрями племён, чтоб их пресечь...

- А надо ли? – слышался голос. – Народов слишком много стало и в землях северных. И с каждым днём становится всё больше. И если люди сами меры не примут, то снова на Землю боги нашлют потоп.

В нескольких местах слышался смех. Но смеялись не все. Видимо легенда о всемогущих богах была ещё жива в человеческой памяти, несмотря на все старания жрецов просветить народы.

Вела подумала что уж кому-кому, а мазнам следовало бы понимать природу и знать её историю. Она подошла ближе к ряжу и вдруг услышала в разговоре див знакомое имя:

- Вадма, говорят, поставить надо.

- Но как же, он за правда сам горой стоит.

- Да для молвы людской нет гор неодолимых.

- Всё же не честно это. Причины нет прямой чтобы изгнать правда. И приведёт всё это к большой войне.

- Он сам откажется, ведь не захочет здесь кровопролитий.

Третья дива заметила Велу, толкнула подружку. Та обернулась, вначале растерялась, но потом вызывающе смерила Велу взглядом и, подперев руками бока, спросила:

- Всё слышала?

Вела кивнула головой, не в силах произнести ни слова.

- Так, так... Ты богу Зуйзу давала клятву? Смотри, не любит болтливых он.

В эту ночь Вела плохо спала и на следующий день всё буквально валилось из рук. Связав сон из крошечного с тем, что она случайно подслушала, она поняла откуда ждать беду, но не знала как её предотвратить.

Работник из неё сегодня был никудышный. Однако сидеть дома в неизвестности было ещё тяжелее, и Вела всё же направилась к Дятинцу.

Правд планировал переписать клинописью несколько древних преданий о Водане из рода МраггарМ. Они хранились в ларях в виде перьевой и узелковой письменности. При переездах это было удобно, но Гермнверб решил оставить копии всех своих архивов у местных жрецов, в подземном Грайллйарге Дятинца. А для этого лучше всего подходила клинопись на глине. Брусочки сырца были заготовлены заранее. Оставалось только смачивать их водой и трёхгранным стержнем выдавливать набор треугольничков соответствующих звёздам того или иного созвездия. Причём векторным удлинением необходимо отмечать пространственные перемещения звёзд. После нанесения знаков глиняный брусочек обжигается, покрывается сверху смолой или воском, и в таком состоянии может храниться тысячи лет.

Увидев Велу, правд сразу понял что она чем-то расстроена, но не стал спешить с расспросами, решив пока просто отвлечь её.

- Как хорошо, что ты пришла, - сказал он. – Мне надо делать перевод с перьевой письменности, а лучше тебя её ни одна венза не знает. Я уже хотел кого-нибудь из волхвов позвать, да с ними надо заранее договариваться.

- Вы простите, что я задержалась. Что-то неважно себя чувствую.

- Ничего страшного. Бруски я вот уже смочил. Ты что выберешь: читать или писать?

- Лучше читать, а то я не твёрдо помню скорости звёзд, ещё напутаю что-нибудь.

- Вот и ладно. Начинай вот с этой гирлянды. Не торопись. Спешить нам некуда.

Вела взяла шнур, на котором были навязаны разноцветные перья птиц, и начала читать. Перлы расплывались перед глазами, с трудом складывались в туги. В синих и зеленых ей мерещился пояс Вадма, в желтых – его лошадь, а красные обжигали пальцы кровью. «О Великие боги, - шепотом взмолилась Вела. - Проясните мне очи и разум, дайте мне сил собраться с мыслями, различать палитру Храммарха и правильно понимать згуты!».

Она хотела продолжать, но правад, видя как действуют на неё цвета, подал ей надписи на пергаменте:

- Вот здесь преданья те же самые, записанные новыми словами, которыми сейчас на юге всё чаще применяют. Мне это купец один писал. А ты, я слышал, тоже учишь это.

- То азбука ВraithтйарВ.

- Ну-ка читай. Мне в мои годы новое с трудом дается.

Вела взяла пергамент, начала читать:

- Девять дней и девять ночей пронзённый копьем висел Водан на Дубе СайаС, истекая кровью...

Правад удивленно посмотрел на Велу, отложил в сторону стержень, попросил:

- А ну-ка дай взгляну.

Вела подала ему пергамент.

- Мнда, - задумчиво произнёс он. – Вот чем эта письменность отличается. Старые юридические глифы как бы проверяют сами себя уже в двух-трех словах, а в новой графике смысловой контекст увеличивается в два-три раза. Такая письменность будет изменяться одновременно с устным языком.

- Это плохо?

- Скоро потомки разучатся понимать письменность своих предков. Вот смотри, в абзаце тобой прочитанном, ты допустила сразу три ошибки, что было бы невозможно в перьевой, а тем более в узелковой письменности. НойоН – это не обязательно девять, здесь это просто период... Лансе – это не копьё, а танец... А висну – не висеть, а возноситься... Ну ладно. Сегодня мы ничего писать не будем... Ты чем-то расстроена? Быть может я смогу помочь?

Из глаз Велы вдруг покатались слёзы и она уронила голову на руки. Гермн-верб сел рядом, обнял её, погладил по голове. Сквозь слёзы Вела проговорила:

- Я... видела... в кромешном... Вадма... и кровь...

- Ну что ты, девочка, это всего лишь сон. Не всякий сон сбывается.

- Но этот... Ещё я слышала на вече... но клятву я давала... и не могу сказать... Нет, всё же я скажу...

- Не надо говорить. Не стоит рушить священных клятв. Что надо знать мне – я знаю.

- Нет, вы не знаете... Я... Я...

- Всё знаю, девочка. Кому был разум богом Пледдельпом освящён, тот знает как поступят люди... А детали мне ни к чему... Я знал что это будет Вадм. Правдив и смел, умён он – но доверчив. Все уважают его, и рода он древнего. Чтоб устранить меня он лучший кандидат. К тому же чтобы добиться твоей любви захочет сделать что-нибудь такое чего другие не могут.

- Но ведь не хочет он этого. Зачем? Зачем другие люди хотят столкнуть вас в противостоянии опасном?!

- Зачем? Ты хочешь знать?

- Я видеть врага хочу. Возможно это тот же, что сгубил моих отца и брата?

- Возможно. Но мысль о мщении должна оставить ты. Ведь на пути на этом так просто растерять саму себя. Твои родные знали на что идут... Что делать, в этой жизни все чем-то жертвуют, и часто даже жизнью, но богиню Калку в том не винят... Всё дело, конечно, в майнах. Издревле люди верят что новолунье или полнолунье жёнам помогает рожать детей и, даже, излечивать болезни. И за луной вослед идут гурьбою люди, и землям, где они проходят, то выгодно, что камни дорогие в казну идут... Боспорье южное всегда было одной из главных дорог, и кто владел им – многое себе мог позволить. Когда-то там земля звалась Тройорта и другие равнялись на неё. Рюрий там звался триером... Но слишком сладки были те пути, которыми она тогда владела, все доходы себе присвоив, и люди ополчились на неё... Сейчас пути Донапера и Доньи для Вез-анты – серьезный конкурент. Им очень бы хотелось владеть Киявией, да сил недостает. Зато на беззаконья сил хватает. Все люди издавна привыкли верить в молву, и это оказалось оружием поострее булатного меча.

- Так вот кто враг, Вез-анта! Почему же не соберём мы силы и не пресечем опасное злодейство?

- В своей земле всегда сильны народы, а на чужбине слабеют воины. Нет силы убедить другой народ в его неправоте.

- Но значит надо исказить молву и в их земле, посеяв ложь и недоверие друг к другу.

- И забыть законы правые? Нет, от своих богов не отступлюсь я, и веру не порушу в законы СуйррйуС. Должны мы людям просто объяснять значение для них молвы опасной, и укреплять порядок в соседних землях... К тому же по законам природы не должны мы слишком активно жизнь изменять, пытаться изменить судьбу иль волю богов. Мы – наблюдатели. Природа же творится на основе взаимосвязанных божественных законов числом великих. И даже скажу крамолу я: когда судьбе угодно будет упростить древнюю веру, в сознании людей уменьшив число богов, и даже если придётся склониться богу единому – не буду роптать я громко и до злобы не допущу покуда сил моих хватит.

- Что я слышу?! Но разве сознание человека не часть рутены, и разве их можно разделить?

- Права ты. Природа не делима. Но упростить не значит разделить, и вера – всего лишь часть науки о природе. Наука – сомнение. Но возможно ли всем и всегда в сомнение находиться и в поиске? Сейчас на землях всех сознание терпит изменение веры, а значит, сама природа человека то требует. Ещё не знаю кто же из богов здесь завоюет в людях предпочтенье. Мне то не важно: СуйуС или ЗеввеЗ, КрепперК или СловволС, НойоН или ТнеппенТ... Нам только важно чтобы изменения степенно шли, не предавая забвенью прошлое, и чтоб законы Русы и Волосы сохранили мы... А это работа сложная.

- Что ж делать мне сейчас? Как объяснить всё Вадму? Ведь если он узнает, то с войском на юг пойдёт. И даже веря в правость ваших слов – я с ним пойду.

- Войной не разрешишь неправые деянья, а лишь умножишь... Сейчас должна ты быть рядом с ним... Нужны вы друг другу. Власть от молвы неправой недолго длится. Значение наветов объясняя – ему поможешь... И доказать должна ты что любишь и не ждешь дел ратных от него... И успокой мятущуюся душу... Сына роди ему, значение семьи премного увеличив... Задача трудная, но с нею только ты сумеешь справиться. Готова ты стать матерью для сына его?

- Да хоть для десяти! Ой... Но... Но рано мне ещё. Семья ведь не по расчету слагается, а по любви.

- Сама себе противоречишь ты. Вы ж любите и есть у вас желание владеть друг другом. И потом: это любовь лишь только по любви слагается. Семья же – это обязанность, и без расчета невозможно её створить. Хотя закономерность и случайность равноправны в природе. Но ваша семья особая. По воле случая предрешено ей влиять на судьбы многие, и с честью должны вы пронести крест этот.

В первый день праздника погода не заладилась. Накануне с неба посыпалась морось, превратившаяся к ночи в снежную крупу, и к утру резко похолодало. Но люди этому обрадовались ещё больше. Для них белое одеяние земли и посеребренные деревья были ещё одним предвестником наступающего благоденствия. И если

в последние годы молодежь не строго придерживалась порядка, то на этот раз и они поднялись ни-свет-ни-заря, потянулись за стариками, хотя накануне бесчинствовали допоздна.

Солнечная обсерватория находилась на соседнем с Дятинцем холме. На обширной столе концентрическими кольцами стояли столбы из морёного в морской воде дуба. Несколько центральных столбов были обшиты листами из золота, а направляющие линейки и вешки с кольцами сделаны из бронзы и нержавеющей стали. Стены лабиринта РбайллайабР, выложенные из камня, были сплошь испещрены бронзовыми проекционными гвоздями.

На западной укроне холма, за бревенчатым парапетом, собралась большая толпа народа. Самыми счастливыми чувствовали себя те, кто стоял ближе к створу Солнечной просеки. В основном, там были старики и старушки ряженные в праздничные платья и двурогие кички, и имеющие по несколько поясных одежек с бармами и оборками, по которым различались племена и рода.

Вела чуть не проспала и с несколькими припозднившимися девчонками спешила к холму. Снежная крупка, сплошным ковром покрывшая деревянный тротуар, весело хрунькала под кожаными подошвами сапожек. На Веле тоже был тройной пояс Дрес-Сам-Пот, говорящий о том, что в жилах её течёт кровь трех народов ДрессерД, СаммаС и ПоттоП, смешавшихся на протяжении последних сорока колен. Причём поты писали узлами, самы – перьями, а дрессы – цветными квадратами, и потому одежда бога СойпийоС на Веле была очень причудлива.

Она направилась было к толпе, но услышала за спиной конский топот. Обернулась. Всадник, вцепившись в гриву и спрятав в ней лицо, почти лежал на коне, но именно по коню Вела узнала его.

Подскакав Вадм выпрямился, воскликнул разгорячено:

- Вела, засоня, везде тебя ищу. Тебя правад зовёт.

- Что случилось?

- Ничего не случилось. Прыгай сюда.

Он протянул девушке руку, но она не двигалась, словно впервые увидев как красив её суженый.

Они замерли.

Влад очнулся первым, наклонился, легко оторвал девушку от земли, усадил впереди себя, негромко произнес:

- К правду, Чалый.

Конь с места пошел легким наметом, словно и не чувствовал на себе двоих ездоков. Вела чуть не скувыркнулась, но Вадм крепко прижал её к себе, прокричал, перекрывая шум ветра:

- Я рюрия попросил, а он с жрецами договорился, чтобы ты рядом с ним была и с цирка восход наблюдала.

- Да можно ль? Столько шума из-за меня. Не всем жрецам понравится.

- Да разве можешь ты не понравиться?! Вон яка справна да бровна.

- Смеёшься всё – деланно сердито выкрикнула Вела, но сердце её радостно встрепетало, хотя и резанула слух эта привычка Вадма облекать серьезные вещи в шутивную форму.

Подъехав к огороде Вадм остановил коня, спрыгнул, снял Велу. Словно нечаянно задержал в объятых, заглянул в глубокие таинственные глаза, пытаясь прочитать в них ответ на свой немой вопрос, вздохнул, отпустил девушку, взмахнул рукой:

- Вон он стоит. Иди.

- Боюсь. А вдруг чего не так ты понял? Вдруг прогонят жрецы?

- Да как посмеют на восходе солнца! Иди смелее.

- Пойдем вдвоём.

- Ну что ты, обо мне и речи быть не может. Беги, никто не смотрит. Не до тебя им... Хотя, быть может, затмишь ты Солнце сегодня и бог РеппеР неправильно отметит точки ЗгайагЗ, а в письменах своих жрецы исправят схемы, отметив восхождение звезды сверхъяркой.

- Баляга ты. Вот еже я сёдень в загаде к Солнцу собьюсь и попрошу не то – побью тебя.

- Молву свою творя ты думай обо мне, и я даю поруку – всё сбудется!

Вела бежала к кучке волхвов, где стоял и правад, и настороженно поглядывала на жрецов, готовая в любой момент повернуть обратно. Но жрецам сейчас действительно было не до неё. Все смотрели в сторону священного лося – пятилетка, стоящего на специальной дорожке с восточной стороны холма.

Священные лоси бога Сойлльйоса выводились специально, и отличались более круто загнутыми вверх рогами и тринадцатью светлыми пятнами, формой почти точно копирующими форму созвездий ЗооЗ. Правда люди поговаривают, что жрецы уже разучились выводить абсолютно морфемные породы и теперь просто подмазывают пятна. Но жрецам это прощалось. Ведь за последние тысячелетия жизнь изменилась настолько, что стало трудно сохранять древние знания и ещё труднее применять их на практике.

Но вот деревья на далекой Солнечной просеке ярко вспыхнули, потом сверкнули первые лучи. Они пробежали по верхушкам столбов, упали на лица людей, и вдруг, в похожие на ладони рога лося, выкатилось Его Величество Сойл.

Заиграли две свирельки и лось медленно двинулся вперед, неся огненный шар. И когда солнце оторвалось от рогов и начало самостоятельно карабкаться к точке бога Скэйпйэкса люди вскинули руки к небу и запели Величальную песнь.

После пения все спустились в священную дубраву и повязали на ветви священных дубов свои Тсеппесты – просьбы и пожелания богам. Тсепы были разной формы, разных цветов и сделаны из различных материалов – и в мгновение ока дубы преобразились, казалось даже двинулись в медленном танце, заражаясь веселием людей. Все эти люди не раз приходили сюда в трудную минуту – и по одиночке, и парами, и группами – но только четыре раза в году они собирались здесь все.

Повязав свои пожелания люди разбились на пары и начали танцевать священные танцы богов СлаввалС, ГаппаГ, ГнаттанГ, ЗайджйаЗ, кружась по ходу солнца в двух – и трехтактном ритме.

После танцев начались игры. Обычно они открывались жмурками, прятками или догоняшками – пятнашками. Но здесь уже никакого распорядка не было и люди играли кто-во-что-горазд: и в лапту, и в выжигалки, и в большой мяч, который можно было пинать и кидать. И было несколько игр с канатами, и ходьба на руках и ходулях, и бились мешками с травой, прыгали с шестами и без. Игр было много, и люди, пробуя себя во всех, постепенно переходили к своим любимым занятиям.

Но в первый день сильно себя старались не утруждать. Потому что впереди было три дня состязаний. В эти три-четыре дня многие будут себя истощать, чтобы после, в конце четвертого дня, легче войти в кромешное и узнать что-то новое о себе и о людях.

Вела и Вадм поиграли в жмурки, в прятки, где прятались и водили на пару, потом покачались на качелях. Потом бесцельно бродили среди дубов, взявшись за руки. Они и без игр, только от своего единения, получали огромный заряд положительной энергии и счастье переполняло их сердца. Для Велы все недавние страхи отодвинулись куда-то очень далеко, и, подбодренная правадом, она верила что у неё хватит сил повлиять на Вадма и остеречь его от возможных ошибок.

Они проходили мимо гоолы, которую молодежь называла решетом. Это было сооружение из жердей и бревен высотой в три-четыре человеческих роста. Внутри были различные трапы, лестницы, вертикальные и горизонтальные канаты, предназначенные для игры а трёхмерные догонялки.

Там уже бегали человек пятнадцать. Послеполуденное солнце припекло и голящие игроки без жеманья раздевались до нага. Другие были в нижнем белье, и только несколько человек, возможно желающие пропотеть, бегали в шерстяных куртках или жилетах.

- Вела, Вадм, идите к нам, - окликнули их.

Вадм остановился, взглянул на Велу, зная что ей эта игра очень нравится. Она нерешительно пожала плечами, по потом согласилась.

Они вошли внутрь, скинули верхнюю одежду, попрыгали разминаясь на еловом лапнике, настеленном в опасных местах, не спеша втянулись в игру.

Вела была здесь в своей стихии. С детства любившая лазить по деревьям, и выросшая в синяках, ссадинах и шишках, она казалось, совсем не боялась высоты. Возможно это было наследственное, потому что когда-то, более тысячи лет назад, её предки жили на дубах. Ещё в детстве она удивляла взрослых, лазая по деревьям так, будто вместо пальцев у неё росли когти. Иные даже внимательно её пальцы рассматривали, и, несмотря на царапины и ссадины, находили их красивыми.

Предки Вадма наоборот были связаны с землей, лошадьми, лодками, и по деревьям лазили нечасто. И Вадм высоты не то чтобы боялся, но чувствовал себя на ней неуютно. Естественно, что и голить в этой игре ему приходилось чаще. Он сердился на себя, спешил, падал, и если бы не Вела, или кто-то другой, сжалившийся, не подставлялись ему специально, то он обходил бы эту игру стороной.

Но сегодня им предстояло напугаться обоим. Вадм сорвался. Падение здесь было делом обычным и Вела не поняла почему она рванулась ему на помощь. Она дотянулась до него рукой, повиснув на ногах изменила траекторию его падения, сорвалась сама. Она не раз соскальзывала на землю по наклонному шесту, на который сейчас падала. Но сейчас, почему-то сразу мертвой хваткой, уцепилась за него руками. Раздался треск и шест оцетинился острой щепой.

Только теперь Вела вспомнила, что ещё в начале игры, дотронувшись до него, поняла что это место надо обходить стороной, но увлеченная игрой забыла, и только подсознание помнило об опасности.

Два парня отвязывали сломавшийся шест. Другие продолжали играть. У Велы же настроение испортилось. В случившемся она увидела злую волю рока, и впервые засомневалась в возможностях своего сознания. А ведь ей казалось что отщипнуть Вадма от беды она может только разумными, сознательными действиями.

В первый, а особенно во второй день новолуния, игры приобрели какую-то нервическую окраску. Люди были возбуждены, меньше контролировали свои эмоции, чаще возникали ссоры до драк, чаще звучал смех, переходящий в истерический хохот, чаще люди падали от изнеможения не рассчитав своих сил.

Причину этого все знали: дубрава, где проходили игрища, была в сильнейшей зоне МайаМ. Усилившиеся из-за новолуния лунные, солнечные и подземные излучения, возбуждали людей, доводили до состояния эйфории.

Кроме того многие женщины в это время готовились зачать или родить ребенка, и эта попытка, совместить расчет с любовью и страстью, выбивала из колеи.

Вела не раз уже спрашивала себя, готова ли она стать матерью, и каждый раз убеждала: нет, не готова. И в разговорах с бабушкой частенько кружила около этой темы. Но та стояла на своём: «Душа, - де, - человека сама всё знает. Ни подгонять её, и ни в тенёта путать нельзя. Лишь надо слушать внимательно. И если с песнею Луны её желанья не совпадут – не страшно это. Знать бог ТэйннйэТ ей знанья укровенны поведал». Вела и настроилась на то, что бог ВреммерВ не дал ещё ей знака и даст нескоро.

И первый, и второй день новолуния прошли спокойно. И третий уж перевалил за полдень.

Они выезжали лошадей на Солнечной просеке и изрядно промерзли. Спустились в дубраву погреться и дать остыть лошадам.

- Давай пробежимся до скита, - сказал Вадм, и свистнув своих четвероногих они побежали к ручью.

Скитов в дубраве было много. Первая землянка была занята парочкой и ребята не стали им мешать, побежали дальше вверх по ручью, нашли свободную. В этом полуземляном домишке можно было жить в любой мороз. Снизу до половины глинобитный, выше он был набран из брёвен. Перекрывался тоже брёвнами, берестой и дерном. Внизу, под домиком, была тоже глинобитная печь, с топкой выходящей наружу и подземным дымоходом. Внутри скитня была разделена ширмой из кожи на два закутка. В первом стояло долбленое деревянное корыто для омовений, во втором сооружена лежанка.

Вадм и Вела растопили печь. Сначала сухими ветками, а сверху наложили куски торфа и бурого угля. Скинули верхнюю одежду, повесив её на стену землянки, откинув пологи вошли внутрь. Внутри ещё было холодно и неудобно.

- А я бы даже искупался, - сказал Вадм увидев корыто. – Давай, наносим воды, пока прогревается.

- Давай, - радостно согласилась Вела в предвкушении теплой ванны.

Берестяными ведрами они наносили воду из ручья. В землянке стало уже тепло и они разделись до нага, вынули из жарушки несколько горячих камней, опустили их в воду и с удовольствием залезли в корыто. Положив голову на грудь Вадма Вела разомлела, стало хорошо и покойно. Вадм обнял её, обнюхивая волосы проговорил:

- Ласка ты моя.

Возбужденное мужское достоинство уперлось в живот Велы, она отодвинулась, проговорила:

- Не балуй, - но по телу уже начал разливаться огонь. Она не раз видела Вадма в возбужденном состоянии, и в последнее время ей всё чаще хотелось потрогать его палос, однако разум лего прогонял эти желания прочь. Сейчас же разум вдруг заметался словно мышь застигнутая в амбаре, а огонь желания разливался всё сильнее. Вадм гладил ей груди, живот, шептал на ухо не раз слышанные слова, которые сейчас звучали волшебной музыкой. Она взяла палос рукой желая отодвинуть его в сторону и уже не могла разжать пальцы. Прерывающимся голосом проговорила:

- Т-те-бе н-надо... было... сходить к весталкам.

- Я не могу с ними делить любовь к тебе.

- Лю-бовь... и вожделенье – это разно... Дай руку... вот... сюда...

И тут её разум наконец-то осознал что время пришло и она перестала противиться своим чувствам.

Во время летнего солнцестояния Вела родила сына. Ещё до рождения она сшила ему священную пелену ПэйлльЭП, на которой вышила всю его родословную. А после вышила время и место рождения и положение звёзд, закодировав специальными знаками. Это имя полагалось держать в тайне чтобы охранить дите

от сглазу. И только самые близкие могли его прочитать. Зато все знали его краткое имя – Славскипс.

Теперь в праводовы посылы они ходили втроём, да и молились чаще трём богам: Дромморду – богу пешего и конного пути; Дроггорду – богу полозовых волоков; и Дровворду – богу водных путей.

На спаде весеннего половодья местные купцы собрались ехать к мосхам за хлебом и посевным зерном. Все, кто не мог ехать сам, несли купцам доньги или что-нибудь дорогое для обмена. Доньги начали лить недавно, на свой страх и риск. Жрецов как ни упрашивали, а тайну древних денег они так и не открыли. Возможно не знали и сами. Основные составляющие правад знал: золото, серебро и титан – Солнце, Луна и Земля; но никто не знал процентное соотношение и секреты выплавки титана. Решили ограничиться золотом и серебром. Однако из-за дороговизны серебра основную массу составляло золото и деньги получились тяжеловатыми. И хотя были предложения о включении в сплав меди и олова, но портить благородные металлы никто не решился.

Потому на деньги сильно не надеялись и купцам несли серебряные, золотые и янтарные кусочки; кристаллики драгоценных и полудрагоценных камней; слитки меди, железа и олова; меха, шкуры и одежды из них; берестяные бочки, вёдра, туеза и другие чоботы; и прочее.

Перед отъездом купцов для последних напутствий собралось вече. Собрались вроде бы так, покалякать. Но была и главная цель: отправить двух-трех верных людей, дабы потом сравнить цены с купеческими и не дать купцам сильно себя обмануть. Долго и не рядили. Выбор пал на Вадма и Велу.

Вадм, Вела и рюрий стояли рядом. Услышав решение, переглянулись. Вадм спросил:

- Может нам отказаться?

Но Вела возмутилась:

- Ты что, я так давно мечтала туда опасть! – осеклась, посмотрела на правادا. – Вы нас отпустите?

- Конечно. И сам я думал когда-нибудь отправить туда гонца, иль самому поехать. Но коль такая оказия – езжайте. Сам не могу сейчас. С Киявии вот-вот послы придут и с местными волхвами разговоры будут вести. Мне надо знать о чём там будет толк... Перед отъездом ко мне зайдите. Я письма напишу жрецам, волхвам, правду и люду прочему. Быть может будет польза, хотя всё так старо, что я скажу...

- Так завтра в путь?! – Вела запрыгала от радости, расцеловала Вадма и правда. – Как я взглянуть мечтала...

На следующий день, перед отъездом пришли к правду. Славскипсу уже исполнилось год и девять. Он сидел в притороченной на лошади люльке чего-то канюча.

Правд вышел с ларем в руках, подал письма. Он всегда знакомил посланцев с содержанием своих вербен, так же поступил и на этот раз.

Волхвам и правду Рюрий как обычно писал о том, что на них возложена особая миссия по сохранению порядка древнего, а войны межплеменные могут его нарушить. Чтоб это не случилось надо старцам советовать родниться кровью меж племенами соседними, а тако и дальними. И в каждом граде, невест и мужей знатных посылая, землей дружить. А за основу для всех законы брать Славвалсы и Суйррйуса, что справедливость блюдут и старину и мирные решенья предлагают народам всим.

Ещё правд предлагал подумать как веру упростить, чтоб идолы построить не тысячам богов, а одному (двум - трём). И этим укрепить покой народу и облегчить верному люду вхожденье в крому.

Вадм и Вела дочитали письма и правд положил их в ларь, запечатал, говоря:

- Вы у меня здесь из всех самые близкие, и вам доверить я могу такое, что с иными не стал бы обсуждать... Когда сюда я шел, я знал, что после рюрия Водина в Вольгале Великой тысячу лет войн не было. Хотелось бы и мне такое же соотношение сил оставить. Но я не бог, и только от того, каких найду помощников, зависеть будет исход. И на вас я возлагаю надежду сильную.

- Ради такого дела мы послужим, - сказал Вадм. – И если будет надо, я без сомнения голову сложу. Однако сможем ли мы то, что и волхвам не часто удается?

- Вот. От тебя волхвы тем и отличны, что идеи их не влекут, и голову слагать за это они не будут. Они только помогут в меру сил, когда к ним люди с просьбой обратятся. Но люди часто предпочитают обходиться сами. Народы сильны здесь, и эта сила покоит их обманом... Итак, вы к мосхам отвезете этот ларь. И с вами двое пойдут ватажников, что захотят наверное там остаться, а может уйдут и дале... Погода вот переменится и через шесть дней догонит вас мокрый снег. Смотрите чтоб не застал он на Вышнем Волоке. На Мзде, перед волочьем, уёмно место, там и переждите... Не знаю, докуль доедете, до Тверди ли до Мески, но задержитесь там на пару месяцев, послушайте о чём народ толкует. Нам с ними жить бок-о-бок... Мда-а, тринадцать дён пути – срок все-таки не малый. Быть может снизойдут до нашей воли боги – построим прямые волога как на Валдаве и время путнее скратим наполовину... Вы связь со мной держите постоянно соколю, на голубь не надейтесь... Ну, пусть бог ЗдраввордЗ драву не переменит, а СайммйаС ваше тело пусть укрепит...

Ещё не вошедшая в берега река плавно и неторопливо катила свои воды навстречу тринадцати лодьям. Ветер был почти встречным, северо-восточным, и паруса не ставили. Здесь ещё была вымощена береговая тягловая дорожка, и лодьи тянулись впряжными быками – зубрами. Зубры тянули ходко, почти бежали, и волосяные канаты то звенели как струны, то ныряли с плеском словно крупная стерлядь.

Ладья, в которой были Вадм и Вела, шла последней. Кроме них и Слава здесь были ещё два ватажника, два гребца и купец с семилетним сыном. И хотя лодка была десятивесельной, но по десяти гребцов на торговые суда никогда не набирали, потому что ими могли быть как сами пассажиры и купцы, так и побережные жители.

На руле стояли по очереди, в том числе и Вела. Ей только сделали поблажку втрое сократив время. Рулить умели все. К этому приучали с детства. По берегам

рек здесь уже не одно тысячелетие ставились створные меты, только иногда поправляемые при смещении стрежени.

Первый день пути подходил к концу. Солнце быстро падало в своё лесное логово. Начальная суета закончилась, путники успокоились и начали искать себе заделье. Гребцы и ватажники или играли в нарды или садились за весла подражать мышцы. Вадм стоял за рулём. Вела сидела рядом, держа на коленях задремавшего Слава. Купец подогнув под себя ноги медитировал на баке перед идолом бога Баккаба. Его сынишка держался за правило руля, помогая Вадму.

- Как думаешь, Вадм, когда прямые волога уставим? – спросила Вела. – Вот было б славно: шесть – семь сточей вместо тринадцати.

- Не скоро верно.

- Почему? Правад уж в письмах всем пишет. И ставить вот-вот начнут.

- Правад он волхв, а не воловник. И как бы он ни озаботился о цели вышней, но скоро поймет свою ошибку. По вади люди живут тысячи лет. Это не просто хлеб их, а весь смысл жизни. И можно ль беззаботно отнять такое. Да и лесные жители тому не рады. Не любят они гам и суету, что волога всегда сопровождают.

- Да, но... правад он что, не понимает?

- Пока не понимает. Хотя мне это странно. Не раз я говорил ему о том. Возможно, блажну цель себе поставив захочет он законы Суйр усилить, в них увидеть чая взрождение Главвалги.

- Он от законов Славных не отходит.

- Ты знаешь, спор наш длится тысячи лет, а значит он бессмыслен сейчас меж нами... Прямые волога нужны купцам. Ни родам ни праваду в них нужды нет.

- Откуда тебе известно?

- Я у наших бываю часто. А ты знаешь, что неторопливу беседу старцев люблю я слушать.

- И об этом праваду ты говорил?

- Конечно. И слушал он внимательно. И это ещё не факт, что землю межевую сторговали меж телками и чудью. Прямые волога всегда не могут идти по меже.

- Мда-а. Как всё сложно, - Вела разочарованно вздохнула. – Когда-то мне казалось что добрых помыслов довольно чтобы в миру порядок блюсти... Грен, осторожно! За борт не вывались! – крикнула она сыну купца, опасно приподнявшемуся над фальшбортом.

Обрадовавшись окончанию непонятного разговора взрослых Грен спросил:

- Нини, а правда, что у Солнца под землей нора есть, по которой в ночи он катится.

- А почему спросил ты? Не веришь этому?

- Не знаю. По розно говорят.

- И бравно, что сомневаешься. Лишь научившись сравнивать достигнешь мудры. Но я тебе задам загадку которую ты утром должен разрешить. Заметь в каком созвездье Солнце за горизонт опустится.

- Я знаю, в созвездии Краббарка. И в нём же оно взойдет.

- О, блажно. И значит что всё небо вместе с Солнцем проходит через нору?

- Всё небо?! Вы шутите? Не может струг огромный в чёлн превратиться, а полотнище пролезть в игольное ушко.

- Да? В самом деле. Но как же так получается? Странно. Надо подумать. Проверим утром ещё раз, и может быть причину поймем... А ты наверно часто с отцом путь держишь?

- С пеленок, говорят.

- А мами с вами ходит?

- Ходила ране, а теперь с малыми дома сидит.

- Ти нравится здесь?

- Да... Привык уж. Жаль не поехал Прак с нами, мой дружень. Ране мы часто ходили с ним, а ноне захилел батька его... Дя Вадм, а Вы научите меня такие же строить лодьи?

- А молву творишь Дайлльяду?

- Отныне сотворю... Дя Вадм, а драги лучше чем лодьи, или наоборот.

- Да можно ль их сравнивать? Драги для льда и сушних волоков, а лодки лишь для воды. Есть вещи в мире что сравненью не подлежат. Ты можешь сказать что лучше: Земля иль Солнце?

- Солнце, наверное. Оно теплее.

- А зимой тебе хватает его тепла?

- Нет. Зимой оно не очень.

- Вот то-то же. Зимой Земля согреет. Ведь торф, и уголь, и дерево – всё из земли... Так что же лучше, Солнце иль Земля? А може вода?

- Обои хорошие. И воду я люблю.

Вадм, вздохнул, о чем-то задумался, потом тихо проговорил:

- И воду я люблю... Вода моя подруга... И Вела иногда ревнует меня к ней...

- Дя Вадм, уж часть закончилась, и колба давно пуста, – Грен показал на водяные часы. – Кто должен сменить Вас?

- Вела. Но пусть пока понянькает дитё, я постою.

- Нет, Вадм, устала я сидеть. А Слава будить уж надо – тяжело спать на закате.

Она положила сына на дерюжку, встала к рулю. Слав недовольно посопел, потеряв материнские руки, потыкался в жесткое бортье, ещё пытаюсь поспать, но скоро бденье пересилило, он поднялся, захныкал увидев мать у руля. Грен опустился на колени перед скамейкой, затыкал собачкой, отвлек, вдруг перестал лаять, спросил:

- Нини, а что означает имя Слав?

- ВайлльаВ – закон, порядок обычаев, а Слав – соединение законов, свод...

- Вадм, Вела, не пора ли вечерять, - крикнул один из ватажников.

- Во, очень кстати. Иди, Вела, перекусите, малого покорми, а я пока за правилом постою, - сразу же откликнулся Вадм.

- Вадм, а что такое – закон? – спросил Грен.

- Закон? Ну, если звук «з» - это тёмный, чаще всего имеет значение священного знака, а кон – это счёт, порядок, последовательность... Порядок знаков? А может быть знаки определяющие порядок жизни? Некая условность, которой люди должны придерживаться.

- А что такое условность?

- Это, наверное, договор между людьми. Вот например... договорились люди по реке поставить стержи-створовые знаки и направление по ним держать. А если выйдут в море, где берегов не видно, то договариваются по звёздам править путь, небесным стержам. Договорились – значит условились.

- Значит, законы можно менять, когда то надо.

- Ого, - Вадм рассмеялся. – Вывод смел... Есть вечные законы, небесные, что неподвластны воле людей, и даже воле всей земной природы. А есть законы земные – марутные; зависимые от природы, но не от человека; и есть законы человеческие, что люди составляют для себя... чтоб жить было удобно... Вот слово человек с чего произошло? Скала – ступени, века – жизнь, судьба. И в этом слове совмещенье природных и людских законов с которых наша жизнь зависит. Менять их можно только осторожно, чтоб чью-то жизнь совсем не зачеркнуть.

- Эй, сыне, - окликнул купец. – иди вечерять, не то останется ти ложка да плошка.

Грен ушел. Быстро сгущались сумерки. На стержах створа, за слюдяными очнями, зажгли сальные лампадки. Ближняя горела зеленым огнем, дальняя красным.

На первой ладье два раза прозвонил колокол, оповещающий о встречном движении, и из-за поворота выплыли два плота с белыми фонарями по левому борту. С них не спеша накатывались звуки негромкой песни.

«... Плели мне перуны, вязали мне ругвы, чтоб сверил по ним я чужие хоругвы... Садился во лодонь, ховал обереги, а колокол – донь! донь! – звонил мне у бреге...».

То ли на Донапер пошли ранние купцы, то ли к бельтам искатели янтаря.

Тихо позвенькивали лютные струны и за поворот уплывала чья-то печаль.

«... И сам я не маю, где никоть достане, где локонь встревоже и голову сложе...».

А с берега, словно отвечая уплывающей песне, донесся девичий хор: «Далёко мой лади усплаве на гости по волнове вади от волови мости...»

К Вадму подошли купец с сыном. Купец встал к рулю, а сын подал Вадму деревянную утню доверху наполненную жиденькой квасной окрошкой.

- Псё годи, - поблагодарил его Вадм.

- Псё сани, - ответил Грен и обратился к отцу: - Отсе, а правда, что у Солнца есть под землей нора, и ночью по ней он катится.

- Это кто сказал?

- Прак говорил.

- Ну, может быть и правда. А я не знаю. Ни под землей, ни в небе я не был, не видел что там, и руками не щупал. А люди много чего наговорят... Жрецов поспрашивай – они про небо всё знают. Велу, вон, спроси. Она же ходит в жреческую сколу.

- Загадку загадала мне она, и должен разгадать к утру её я.

- Ну что ж, разгадывай. На то и голова на плечи дадена, не токмо лишь считать щелканы.

На берегу жгли костры, пели и смеялись девки, заливисто лаяли собаки. Множились быстро в небе звёзды. На первой ладье затагнули песню. Вскоре её подхватили все тринадцать. И поплыло над рекой накатываясь волнами:

«Воле – воле – вольное Спевно – озеро заволни – волнилося во свою всю ширь. Как по о – по – озеру, плыл – то молодой купец, ой да молодой купец...».

Вела с сыном прожили у мосхов всё лето. Ждали Вадма, ушедшего с ватажниками в Каззанию, но дождались только его письма, отправленного с купцами. Он сообщал что пошел дальше, до Пармы, вернется месяца через четыре, и предлагал Веле возвращаться домой без него. Вела могла бы эти четыре месяца и обождать, но обиделась на Вадма, быстро собралась и с теми же казанскими купцами отправилась обратно. Но поднимаясь по Дверце искупалась неудачно. Вроде и день был погожий, а к вечеру свалилась в жару. Чувствуя что дело плохо, связала послание правату, отправила с почтовым соколом.

Правад знал что по пустякам Вела беспокоить не будет. Написал для неё и попутчиков письмо, где рассказал что надо делать, отправил его с тем же соколом, а сам поспешил к жрецам.

Вскоре, влекомый тремя орлами, он уже взбирался в поднебесье, держась за крыло сделанное из легкой шёлковой ткани. Орлы, направившись встречь ветру, быстро набирали высоту. Ветер здесь был холодным, но смазанные жиром открытые места холода не чувствовали, как и всё тело, укрытое комбинезоном на гагажьём пуху. Набрав такую высоту, что уже трудно было дышать, Гермнверб исправил направление полёта, дал знак орлам и они освободились от вервей, долго парили отдыхая.

Уже ночью он увидел ладью, где была Вела, осторожно спустился на бак. Уставшие орлы опустились рядом. Вела лежала в ютне и купцы поили её то малиновым, то брусничным отваром. Отпустив орлов домой и узнав у местных волхвов где здесь хорошая майна, Гермнверб уложил Велу на волокушу, посадил рядом Слава, и упряжные лоси ходко побежали за поводырём. Гермнверб бежал рядом. Организм у Велы крепкий и он, наверное, мог бы вылечить её и без майны, но, видимо, рисковать не хотел даже в малости.

Прибыв на место он сразу начал камлать. Волхв знал что организм сможет вылечиться только в глубоком сне, когда сознание полностью подчинено подсознанию. И камланием надо было убить сразу трёх зайцев: усыпить Велу, довести себя до изнеможения и добиться чтобы и его и Велы организмы начали вырабатывать особые вещества, усиливающие связь сознания и подсознания.

Гернверб бегал и прыгал вокруг Велы и Священного Дуба, под которым она лежала, распевал с детства знакомые молвы, бил в бубен, звенел колокольчиками. Он мог бы применить более сложное камлание, узнав тайное имя Велы, но пока не видел в этом необходимости. Вскоре он довёл себя до иступления и упал под дубом.

И он летел среди звёзд и звёзды шептали ему что-то непонятное. Потом он увидел себя молодой женщиной. Она говорила на каком-то чужом языке, и хотя мало применяла священных слов, волхв её прекрасно понимал.

Через два дня Вела чувствовала себя совершенно здоровой. Даже появился аппетит, но волхв ещё сутки не давал ей еды. Потом она начала есть, и через пару дней стала прежней Велой, сильной, веселой и увлеченной. Вот тогда они и совершили роковой поступок. Они сидели у ручья. Вела преклонила голову на колени правада, свернулась калачиком. Гермсвенх почувствовал вдруг что она вся дрожит, укрыл её паркой.

-Замерзла что ли? Тепло же.

- Замерзла, - сказала Вела, и взяв руки правада положила на обнаженный живот...

На следующий день они тронулись в путь, домой. Пошли сухим путём, там, где купцы планировали установить прямые волога.

Спевы приняли их настороженно, а в одном селении явно решили продемонстрировать боевой дух, раскрасив лицо боевой расцветкой и утыкав банданы красными петушиными перьями.

Рюрий встретился со старцами, объяснил что решение о строительстве прямого волоковья будут принимать только они сами и сами же, если захотят, будут строить. Он уже понял, что его враги, воспользовались этой идеей и теперь всячески хотят поссорить его с местными племенами.

Они то ехали на волокуше, то бежали рядом с лосями, иногда проходя в день по сорок долей, а иногда в каком-нибудь племени надолго задерживаясь.

Каждый раз после ночи с Велой Гермнверб уверял себя что это в последний раз, но через день-два она опять забиралась к нему в постель, и он опять забывал о своих клятвах. Ему было уже далеко за сорок, и к Веле он всегда относился как к дочери. Теперь своим поступком он свёл на нет все свои старания. Разве теперь будут люди верить в его справедливость? И враги конечно воспользуются этим... Если, конечно, узнают... Может быть ещё возможно всё скрыть? Если Вела понесла, то можно прервать бремя. И никто ничего не узнает...

На последнем перегоне они вышли к полозовому волоку. Подрядили поводыря со специально выведенными волоковыми лошадьми и небольшими салазками.

Слав уснул и Гемнверб решился поговорить с Велой. Но прервать бремя она отказалась категорически, заявив что хочет иметь от рюрия сына. Но успокаивала его, уверяя, что никто не узнает кто отец... Волхв верил в это слабо и понял что надо быть готовым к серьёзным осложнениям в своей работе.

Вадм узнал о новом положении Велы, когда прибыл к мосхам. Домой спешить не стал. Осерчал. Напропалую кутил с девицами и весталками. Одна девица его особенно уважала, говорила что видит в нём особую силу и рассказала что её прадед, древний старик, хранит у себя тайно меч-кладенец самого Одина, и будто бы не раз высказывал желание подарить его настоящему воину. Однажды она даже привезла к нему Вадма. Старик после недолгой беседы поверил в силы парня и подарил ему меч. Правда в какой-то момент Вадму бросилась в глаза некая неестественность деда, но тот показал несколько секретов меча и Вадм обо всём забыл.

Он думал что Вела ему уже не нужна, но в самый разгар зимы она прислала письмо в котором умоляла простить её и вернуться. Вадм быстро собрался и ни с кем не прощаясь уехал.

При встрече долго не выпускал Велу из объятий, потом погладил её живот, сказал:

- Ну ладно, ему прощу я эту малость.

- Кому? – испугалась Вела.

- Правду. Все говорят что рюрия дитё.

- Нет! Нет! Это...

- Не надо, Вела. Я понимаю что признаться в этом ему нельзя и буду говорить всем что моё дитяте. Кто будет: парень или девка?

- Парень.

- Как совратил тебя он? Небось чего-то наволовал?

- Нет, нет... Сама я, - Вела уткнула лицо в руки, припала к груди Вадма. - Зачем! Зачем надолго ты меня покинул? Зачем заставил страдать и страсть свою таить? Зачем?!

Она обессиленная опустилась на пол, но Вадм поднял её, сказал:

- Не виновата ты. И я не виноват. Я знал что так и будет. Наверное, в ночи мне мойра нашептала... А может и не мойра... Судьба такая наша. Теперь, по крайней мере, знать я буду, что волхв такой же человек как все... А от тебя хочу услышать одно лишь: Слав чей?

- Ты что! Вадм! Да разве я смогла тебя бы обмануть! И мне зачем обманывать. Когда б я захотела до тебя делить постель с правадом, я б не скрывала этого.

Вадм заглянул ей в глаза, успокоился, обнял:

- Забудь о разговоре этом. Оба сына мои. До окончания срока правадова никто здесь не посмеет сказать другое. И более об этом не будем говорить.

Ранней весной Вела родила второго сына. Нарекла странно: Двипарх. Люди гадали, то ли Вела погрешила против истины, то ли действительно с правадом у неё ничего не было. Парх похоже на Вадмово ХраббарХ. В то же время это всего лишь числительное второй, а значит не более чем временная кличка. И неизвестно сколько бы эта неизвестность продолжалась, если бы кто-то не нашёл подхода к повитухе, принимавшей у Велы роды и видевшей пелену новорожденного, где имя было вовсе другим: Бревел. Тут-то все и вспомнили что отец правادا был из племени БревверБ.

В последнее время Рюрия не покидало ощущение того, что битва, в которую он ввязался уже им проиграна. Противник оказался сильнее, хитрее и наглее. Противник не был ограничен никакими моральными рамками и никакой философией. И главное противник был невидим, в отличие от правادا и его сторонников. Цель была ясна: довести дело до беспорядков, шокировать население жестокостью и отрицанием моральных принципов, уничтожить институт управления старейшин, разрушить общественную память и заставить местные народы забыть все традиции.

Стремительными шагами Рюрий всё дальше углублялся в лес, надеясь найти там уединение и ещё раз обдумать ситуацию. Он любил думать вот так, на ходу, когда мысли выстраивались достаточно четко. Обладая обширными познаниями и хорошо развитым дельфийским мышлением, он мог на несколько месяцев, а иногда и лет, достаточно точно предсказать развитие событий. Всего три года осталось ему до окончания девятилетнего праведного срока. Но Рюрий давно уже понял, что противник поставил себе целью дискредитацию института права как такового, и пойдет на любые ухищрения чтобы добиться этого. Причем тайно покушаться на жизнь самого права не имеет смысла. Его должно уничтожить само местное население, и уничтожить таким способом чтобы впредь никто не решился идти сюда рюрием.

Итак, кому это выгодно? В первую очередь Вез-антам, союзу морского народа ЗеввеЗ и западным славянам – ТнайанТ. Собственно сами по себе верховные волога им и не нужны, но пока они являются надежным тылом Киявии, то именно Киявия и будет диктовать торгово-миграционные условия по водному бассейну Донапера, а в будущем, возможно, всей северной панонии.

Два других противника – Северная и Южная Каззаккии. Эти хотели бы именно владеть вышними волоками, дабы на всём протяжении юг-север управлять одной рукой. Собственно главным-то является контроль над севером, Вышневольчьем. Именно он будет диктовать условия южным доньям. Значит главным противником является Северная Каззаккия? Однако у них есть собственные волога к Северным НэйлльэН, а значит острота вопроса значительно снижается. Судя по всему все эти противники между собой ещё не договорились, да и едва ли договорятся. Значит после разрушения местной культуры здесь будет продолжаться война между ними. Кроме того усиление Нового города как торгового центра невыгодно Мескии и Тверце, и они если и не будут явно вредить, то займут выжидательную позицию. В то же время они прекрасно понимают что поильменье и для них надежный тыл, а значит, договор с ними вполне возможен.

А ещё кому не выгодны беспорядки в Волоковье? В первую очередь местным и северным племенам. Однако не имея в таких делах опыта они едва ли смогут

правильно оценить ситуацию. Центральное подонье больше ориентировано на месков и тверцев. Получается что самый надёжный, сильный и опытный союзник – это Киявия и скипты – словены. Однако помочь они смогут только в открытой военной баталии. В тайной же войне основная нагрузка ложиться на местное население, на его способность объективно оценивать ситуацию и, в первую очередь, умение отличать ложь от правды.

Итак, вывод: все усилия Рюрия должны быть направлены на укрепление древних традиций и института управления старейшин. Именно старики, благодаря своему опыту, смогут правильно понять какой ветер откуда дует. Если объединить их усилия с действиями волхвов и дружины правада, то ещё можно выиграть время до закрытия сезона. А на будущее лето у правада особые планы. Он уже договорился о союзе с Киявией, и создании дозоров на всех дорогах и пропуске на север только хорошо зарекомендовавших себя купцов. Такой же договор он намерен заключить и с Тверцией, с которой уже есть предварительная договоренность, а может и с Месхией.

Оказавшись между двумя берёзками правад выхватил меч, в несколько секунд искромсал их до основания, опомнился, встал перед ними на колени, долго просил прощения, пытаясь найти себе оправдание.

Вадм всё больше отдалялся от рюрия. В его голосе появились дерзко-заносчивые нотки, разговоров старался избегать, на прямые вопросы отвечал односложно и нехотя.

Но однажды он пришел к праваду сам.

- Ты помнишь, рюрий, что когда я шел в дружину, мы сговорились, что могу я уйти в любое время. Время настало это, и больше не могу тебе служить.

- Причину могу я знать?

- Всегда меня учили прислушиваться к людской молве и мнением людей поступки поверять свои. А люди говорят что Вела давно уж стала весталкой для тебя и кроме пения и танцев услаждает тебя в постели. К тебе я привязался настолько, что мог бы разрешить вам такие игры. Но люди говорят, что даже Слав твой сын. А

это простить я не могу... Я Велу люблю, и если бы открыла всё заране – я б понял. Но ложь любимому – это предательство. Я может быть и дальше любить вас буду обоих, но страсть уж не туда управит мои мысли. Гоню я думы прочь, но не могу прогнать, а потому прощаюсь, быть может с обоими.

- Людску молву конечно слушать надо, кто с этим спорит. Но не могли ли обмануть тебя сплетни коварные выдать за молвь. Быть может лучши твои друзья иначе на это смотрят? Ты спрашивал их?

- Да, спрашивал. Но ведь всегда скрывают правду от обманутого, его щадя.

- Ты можешь думать как волен, но за себя я всегда готов ответить. Слав твой, и ране с Велой у нас и мысли не было о близости. А то что не сдержался я в твое отсутствие, этой вины с себя я не снимаю, и можешь ты требовать любого искупленья, даже смерти – я умру, но слово правда не кину на молву.

- Смерти? Что ж жизнь свою не ценишь ты, правда?

- Для человека иного, проступок быть может не большой, но для правда велик он.

- Твою мне жизнь не надо. Своя обузой давит иногда... А что врагов касается... Ты сам когда-то баил, что относительно понятие врага. И кто мне враг сейчас я мало понимаю, но разберусь со временем.

- А время будет ли?

- Я понимаю что красноречием своим способен ты любого убедить и черное представишь как белое. И потому не должен тебя я слушать. Хочу я попроситься. Время покажет – кто прав, - сказал Вадм круто развернулся и вышел из избы.

- Но времени не будет у тебя! – воскликнул Рюрий вдогонку, но Вадм уже не хотел ничего слышать.

И замятежило всё Ильмень, и Волох, и Ловадь, и Мзда, и Солонь... Появились первые тайно убиенные жертвы и, даже, люди пропавшие без вести, чего в прежние времена никогда не было... Четко обозначилось четыре парты. Первые всячески поливали правда грязью, причём делали это откровенно-вызывающе; другие защищали его; третьи держали нейтралитет, не понимая что происходит; и

лишь немногочисленные четвертые понимали, что весь этот спектакль управляется опытным режиссером. В меру сил они помогали правду, разъясняли людям ситуацию, старались обнаружить истоки сплетен. Но огонь разгорался и, казалось, нет сил, способных его потушить. И если раньше подобные разногласия помогали решать волхвы и жрецы, то теперь появились убитые и среди них. И их дотоле незыблемое существование вдруг потеряло опору. Они думали что владеют ситуацией, но вдруг оказалось, что сами очень сильно зависят от простого люда. Уже мало кто слушал правду, уже ничего не могло решить Вече, уже и женский союз ЗаммаЗ, когда-то и создававшийся для решения подобных споров, опустил руки, тоже раскололся на отдельные группы. Вокруг Вадма стремительно разрасталась армия, и даже был назначен поход на снамов и спевов.

Но за два дня до назначенного похода старцы наконец-то смогли организовать, объединились со старушками-амазонками, сумели найти себе сторонников из молодежи, разбились на группы по несколько человек и среди бела дня обезоружили и взяли под стражу зачинщиков и сплетников. Не тронули только Вадма, о чём рюрий просил лично. Сразу же было созвано Вече. Судили строго. Двоих самых опасных псевдокупцов, вина которых была доказана быстро, тут же казнили. Ещё двоим чужеземцам отрезали носы, у своих отобрали на год именные пояса, что было большим позором.

Рюрий очень устал, но был доволен. Люди выиграли самую важную битву и поняли в чём их сила, а в чём слабость. Теперь правду можно отойти от политики и заняться своими праведными делами. Меньше трёх лет осталось до окончания его срока. Некоторые подбивают его на то чтобы остался и впредь праведом здесь. Но он не клюнет на это. У постоянного цесаря накапливается слишком много врагов и потеря цесарской неприкосновенности становится губельной для него. Нет. Боги СуйррйуС не даром положили тринадцать лет пределом, а девять священным знаком. И если в девять лет уходит рюрий, то значит справился с задачей своей и званья Рюрия Великого достоин.

На ряже стоял древний старикан. На вид он выглядел хило, но мышление сохранил ясное и рассуждал здраво. Он наверное не сказал ничего нового, повторяя избитые фразы, но ничего нового от него и не ждали сейчас именно из уст таких старцев хотели услышать люди подтверждение того, что Вечные законы действительно вечны и неизменны.

Потом поднялся сам рюрий. Речь его была краткой. Под конец сказал:

- Теперь мы все намного помудрели и со спокойной совестью вернёмся к семьям своим. Земля покойна эта и боренья ей ни к чему. От нас лишь ждёт она продленья наших родов.

Когда рюрий закончил, кто-то крикнул:

- Пусть скажет Вадм.

- Зачем? – откликнулся другой голос. – Уже понятно всё. Мы Вадма так же как и раньше уважаем за честность.

Найдя взглядом Вадма рюрий спросил:

- Ты хочешь высказать? Или и так всё ясно? У каждого из нас по этой жизни гора ошибок, признавая их возрастая мы и учимся учить младое поколение.

- Ну отчего ж, - спокойно ответил Вадм. – На Вече промолчать, когда твоя вина в его собрание, достойно ль мужа.

Он поднялся на ряж, продолжал:

- На эту стагну видимо сейчас в последний раз вздымаюсь... Я удалюсь, и в тишине дубрав найду своим ошибкам упоенье... Я помнить буду обо всех о вас и видеть в кроме лица дорогие. Сейчас же лишь прошу простить меня за мысли неоправданно благие...

Рюрий вдруг понял что сейчас произойдет нечто страшное, шагнул к Вадму, предупреждая подняв руку. Но было поздно. Рука юноши сделала неуловимое движение и в ней оказался меч, коротко блеснувший на солнце. Голова Вадма склонилась на плечо, вверх взлетел и быстро опал фонтан крови, а потом и само тело медленно осело на половный настил.

На ряж вспрыгнула Вела, замерла, не в силах сделать шага, простонала осевшим голосом:

- В-Ва-адм! – и упала рядом с бесдыханным телом.

Со смертью Вадма в людях что-то неуловимо изменилось. Быть может это была обида на судьбу за то, что так красиво начавшаяся сказка о хорошей жизни и прекрасной любви, оказалась с плохим концом.

Правад больше не мог здесь находиться. Первую битву он выиграл, но она досталась ему очень дорогой ценой. Только с потерей Вадма он понял как не хватает ему этого молодого забияки. Он давно уже думал о Вадме как о своём сыне, и вот – почти своими руками убил его.

Снова собралось Вече.

- Итак, я ухожу, - говорил правад. С задачей основной я справился, как справился бы с ней любой другой правад, избранный вечевством и волхованьем. Теперь вы знаете что лучше в мире жить, чем во вражде. И даже знаете как этот мир блюсти... В гибели Вадма основная вина моя. Я никогда не жил подолго с детьми своими и плохо понимаю молодежь. Забыл заветы я Священного преданья о том, что Богу Времени лишь жертву принеся мы сможем воспитать младое поколение, или хотя бы узнать его... С волхвами Тверцы, Месхи, Кэзьи и Перми мы сговорились о стремленье к миру. Но самая большая опасность нас с юга стережёт, и потому кивевов, скиптов и боспортов нам надо знать. И я пойду туда... На три оставшиеся рюрьевы години советую избрать вам Гостомысла – волхва из племени ТсайггйасГ. О здешних ильных силах он знает всё. Возможно бог МайллийаМ и вам поможет опору обрести... А через три години сами решите, его оставить, или избрать другого рюрия...

После правادا на ряж взошла Вела:

- Простите, люди! Виновата я что не смогла понинить Вадма любовь. Теперь в его очах, навечно скрытых, укор я вижу. Сама это смогла б я выдержать, но детям рано знать о наших бедах. Когда ж возрастут, то пусть узнают всё... Я тоже ухожу... Быть может там на юге нашему рюрию я буду нужней чем здесь...

Струг тихо отвалил от пирса. Громко хлопнули распущенные паруса. У правого борта рядом с Гермнвербом стояли Вела, Слав, и восемь ватажников. Вела держала на руках маленького Бревла.

- Надумаешь, правад, возвращайся, - крикнули с берега.

Другой голос выкрикнул:

- Вела, как младший рюрий подрастёт к нам привози. Пусть правит спорье навечно!

- Лучше Слава правадом!

Гермнверб крикнул:

- Завет вам оставляю: чтоб никогда правادا постоянным не выбирали, каким бы умным и хорошим он ни казался! Вы слышите?!

В ответ разноголосо откликнулось:

- Слышим... Возвращайся... Слава привези... Ве-ела... Бре-евл...

Струг направлялся на юг.